

ПОСЛЕ КАПИТАЛИЗМА

Манифест движения «Суть времени»

Введение. Концептуальная и экзистенциальная рамка

Любое движение объединяет людей с разными взглядами и убеждениями. Эти различия естественны и в каком-то смысле необходимы. Но это не имеет никакого отношения к всеядности: должно быть нечто, объединяющее людей, решивших вместе делать общее дело.

И это нечто – даже не какой-то общий принцип, а некая рамка, очерчивающая общую для всех участников политическую, нравственную и экзистенциальную территорию.

Какова эта рамка для движения «Суть времени»?

Она складывается всего лишь четырьмя принципами.

Принцип №1. Все мы относимся к краху СССР как к личной трагедии. Ответственные за этот крах силы лишили нас нашей Родины. Это особенно ясно теперь, когда всё те же силы стремятся добить до конца Россию, используя буквально те же приемы, которые позволили им организовать крах СССР.

Итак, потеря СССР для нас – это утрата. Боль этой утраты с годами не ослабевает. Даже наоборот. Ибо по прошествии времени лишь нарастает трагическое осознание того, как много мы тогда потеряли.

Разрушенный Советский Союз живет в наших сердцах. И поскольку он в них живет – СССР может быть восстановлен.

Способность хранить в сердце то, что исчезло в реальности, – главная предпосылка реванша. Да, именно реванша – мы говорим о нем и только о нем.

Стремление к реваншу – это осознание горечи поражения и готовность к победе. Только это и ничего больше.

Мы переживаем крах СССР как поражение своего народа и свое личное поражение. Но мы не капитулировали. Мы готовы продолжить борьбу и победить.

Принцип №2. Мы хотим знать, почему распался Советский Союз и кто виновен в этой трагедии. Мы понимаем, что ответ на этот вопрос крайне сложен. Что враг применил против нас сложное и коварное оружие. Что враг

и теперь создает разного рода ложные цели и дымовые завесы. Мы не хотим простых ответов. Ибо понимаем, что простота тут – хуже воровства.

Мы не пощадим сил ума и души для того, чтобы добраться до истины. Мы готовы учиться, брать новые и новые барьеры сложности в поисках окончательного ответа.

Не готовые дать окончательный ответ сегодня, мы дадим его завтра. В русских сказках говорится о семи парах стоптанных железных сапог. Если будет надо, мы стопчем семьдесят семь пар таких железных сапог. Ибо мы хотим окончательного ответа на свой вопрос. И мы этот ответ получим.

Принцип №3. Мы хотим понять не только то, кто виновен в распаде СССР и в чем подлинный замысел сил, сумевших обеспечить его распад.

Мы хотим понять еще и то, как можно вернуть утраченное. Только ради этого мы и прорываемся к истине. Возвращение утраченного – еще на порядок сложнее, чем получение ответа на вопрос о том, кто, как и почему отнял у нас любимое.

Мы не боимся и этой сложности. Мы хотим обрести настоящий, полноценный ответ на вопрос о том, как вернуть утраченное. И мы этот ответ обретем.

Принцип №4. Без любви разум бессилён. Без разума любовь слепа.

Но и разума, и любви недостаточно. Мы хотим понимания природы своего поражения, понимания путей к победе – не просто для того, чтобы потешить свой ум и успокоить сердечную боль. Мы хотим не только понять, как вернуть утраченное. Мы хотим это утраченное вернуть.

Сердце и разум, даже объединившись, бессильны, если нет воли. У нас эта воля есть. Мы хотим бороться за то, чтобы вернуть утраченное. Мы не хотим экстаза, мы не будем биться в конвульсиях. Мы сможем остудить чувство, не потеряв при этом его. Наш разум может и будет брать один барьер сложности за другим.

Но все это для нас – не упражнения души и разума. Нам нужно любить и знать для того, чтобы действовать.

Вслед за Марксом мы говорим: ученые слишком долго объясняли мир, тогда как дело в том, чтобы его изменить.

Вот и все, что нас объединяет. Только эти четыре принципа – и ничего другого. Они задают концептуальную, моральную, экзистенциальную, политическую рамку. Внутри нее – мы чувствуем и мыслим по-разному. Мы лишь отправляемся в общий путь. Мы верим, что странствие в поисках

утраченного сблизит нас. И при этом мы всегда будем оставаться разными. Это, повторяем, нормально и даже необходимо. По-разному мы переживаем утрату и понимаем природу этой утраты.

Но мы хотим вернуть утраченное. И мы его вернем.

Те же, кто не разделяет объединяющие нас четыре принципа, – пусть отойдут в сторону. Нам одинаково чужды и сектантская нетерпимость, и безволие всеядности.

Оговорив все то, что нас объединяет, мы переходим к тому, что, по нашему мнению, делает возможным реализацию нашей основной и единственной стратегической цели.

Часть 1. О содержании современной эпохи

Глава 1. Двадцать лет спустя

Двадцать лет назад распался Советский Союз.

Двадцать лет назад было спущено развевавшееся над Кремлем Красное знамя.

Двадцать лет назад антикоммунизм и антисоветизм стали официальной идеологией новой постсоветской России.

Двадцать лет назад было заявлено, что распад СССР является не катастрофой, а освобождением России от чудовищных оков советизма. И возвращением в лоно мировой цивилизации. То есть в капитализм.

Во имя этого возвращения в капитализм отrekliсь от очень и очень многого. От созданного гигантскими усилиями и гигантскими жертвами великого государства. От советского образа жизни. И – от своего исторического пути.

Ведь проект под названием «капитализм» оказался, мягко говоря, очень трудно совместим с Россией как историко-культурной личностью.

Об этом достаточно убедительно говорил Ленин в своей ранней работе «Развитие капитализма в России». Но об этом же говорили противники Ленина из лагеря почвенников. И тоже достаточно убедительно.

Впрочем, дело не в том, кто именно и что говорил по данному поводу. Дело в исторической практике. Буржуазия Российской империи складывалась веками. И выдвинула из своих рядов выдающихся политиков и общественных деятелей. Но в решающий момент, после Февральской революции, эта буржуазия проявила потрясающие безволие и бездарность. За полгода она проиграла все. Ее поведение коренным образом отличалось от поведения буржуазии французской, английской и даже немецкой или итальянской.

Отличия были столь разительны, что неизбежно встал вопрос о причинах такой несостоятельности класса, которому история предоставила все мыслимые и немыслимые возможности.

Крах российской буржуазии после Февральской революции обернулся крахом страны, которую большевики с огромным трудом спасли от окончательной гибели. И ведь как спасли? Проводя радикально антибуржуазную политику. То есть, отказавшись от сращивания исторической России с буржуазностью. Обнаружив какой-то непреодолимый тканевый барьер между этой самой буржуазностью и Отечеством.

Большевикам было некогда. Они не имели возможности ломать перья, объясняя, почему либо капитализм, либо Россия. И классический марксистский аппарат не позволял им философски осмыслить подобное «либо-либо». Ведь, согласно этому аппарату, любая страна должна пройти период капиталистического развития.

Большевики как раз и заявили, что Россия этот период уже прошла – худо-бедно, но как-то. В каком смысле прошла? Почему прошла?

Большевики не давали по этому поводу вразумительного ответа и не могли его дать.

Этим занимались их противники из почвеннического лагеря. Но и они не указывали дороги вперед. Фактически они просто воспевали феодализм, противопоставляя его духовности буржуазную бездуховность.

Большевики указали дорогу вперед. И повели Россию этой дорогой – радикально антибуржуазной и антифеодальной одновременно.

Но в чем же тайна несовместимости капитализма и России как историко-культурной личности? Идет ли речь только о несовместимости любой многонациональной империи с буржуазностью, всегда оборачивающейся «парадом буржуазных национализмов»? Или речь о чем-то более глубоком?

Ответ на этот вопрос особо нужен сейчас.

Наши противники из радикального либерального лагеря уже дали свой ответ. Они сказали: «Да, русский дух, русская культурная матрица несовместимы с капитализмом. Мы, может быть, и не понимаем, почему. Но мы это признаем. Да мы и не хотим особо разбираться, почему. Потому что нам ясно, что либо капитализм, либо смерть. А значит, во имя жизни (то есть построения капитализма) мы будем разбираться с Россией, как повар с картошкой. Побуждать русский дух к мутации, менять ядро русской культуры, радикально трансформировать русскую культурную матрицу. А что еще можно сделать?» Так говорят либералы.

Но нам, хотя бы сейчас – в самый катастрофический для России период, период невероятной безысходности, – чтобы выйти из тупика, необходим внятный ответ на вопрос, ПОЧЕМУ Россия несовместима с капитализмом. В чем именно тайна этой несовместимости?

Признаем очевидное.

Двадцать лет назад Россия снова закрутила роман с капитализмом. На этот раз с еще более катастрофическими последствиями, нежели в феврале 1917 года. При этом катастрофа Февраля, она же катастрофа несостоятельности тогдашней буржуазии как господствующего политического класса, длилась чуть более полугодя. Теперешний роман новой постсоветской России с новым капитализмом длится двадцать лет. За эти двадцать лет капитализм не создал ничего, а разрушил все.

Наши противники обвиняют в этом Россию, которая лишь имитирует согласие на брак с капитализмом. А на самом деле по-прежнему культивирует в себе сосредоточенную и упрямую антибуржуазность.

А раз так, говорят наши противники, то нужны любые, самые радикальные средства побуждения России к капитализму. Да-да, еще более радикальные, чем ранее. Десоветизация на манер денацификации, внешнее управление. Если надо, то и расчленение. Все это – для вящей славы капитализма.

Ведь только в капитализме спасение, только в нем выход, только он хоть что-то может как-то удержать на плаву.

Еще до того, как наша борьба с нашими противниками вступит в решающую фазу, нам нужно для самих себя получить четкий ответ на вопрос – так ли это. А может быть, наши противники правы? Может быть, действительно, только в капитализме спасение? Может быть, в этом случае и впрямь надо подавлять любыми средствами то отторжение, которое веками мешает обуржуазить Россию?

Для того чтобы получить честный и глубокий ответ на этот вопрос, нужна новая аналитика капитализма, которая существенным образом переосмыслит все, что связано с его прошлым, и даст возможность заглянуть в его будущее.

При этом нам нужна не антикапиталистическая пропаганда и агитация. Нам нужен теоретический аппарат, позволяющий ответить честно на вопрос о сути и перспективах капитализма. А значит и о том, в чем состоит вывод России из нынешнего ее кошмарного состояния? В том, чтобы любой ценой капитализировать страну, – или в чем-то другом?

Не будем предвосхищать ответ на этот вопрос.

Не будем работать под идею.

Исследуем капитализм с предельной научной честностью, опираясь на тот концептуальный аппарат и те фактические данные, которые учтут все: и объективные достижения западного капитализма, и крах антикапиталистического СССР, и унижительный кошмар последнего капиталистического двадцатилетия.

Глава 2. Отречение и отреченцы

Двадцать лет назад под лозунгом возврата в мировую цивилизацию (то бишь, в капитализм), под лозунгом ускоренного обретения «нормальной жизни» (то бишь, капитализма) произошло фундаментальное отречение от собственного исторического пути во имя ускоренного построения «светлого капиталистического будущего».

Особый цинизм состоял в том, что это отречение было оформлено как возвращение к исконным национальным традициям, которые растоптали «гады-большевики».

Отреченцы дозированно использовали досоветскую символику и семантику. Расчленив империю и растапывая все ценности, которые ее создали, отреченцы предъявляли народу антисоветский псевдоимперский суррогат. Они фактически не скрывали при этом, что речь идет именно о суррогате, который должен примирить с их новой политикой широкие слои российского общества.

При этом отреченцы не скрывали своего презрения к этим самым широким слоям. Воодушевленные тем, что «слои» уже поддержали их, выбрав Ельцина в июне 1991 года президентом РСФСР, отреченцы относились к поддержавшему их населению как к быдлу, «пиплу», который «схавает» любой суррогат.

Можно и нужно обсуждать причины, по которым вот уже двадцать лет в России длится страшный сон отреченчества. И нельзя не признать очевидное: этот сон не мог бы длиться так долго, если бы Россия не получила страшные повреждения.

Сон отреченчества беспрецедентно долгод. Его последствия – кошмарны и унижительно. Это касается всего: образования и здравоохранения, промышленности и сельского хозяйства, обороны и безопасности, правопорядка и демографии.

Все это не позволяет отмахнуться от вопроса о том, жива ли страна вообще. Оставим дежурных оптимистов наедине с теми, кто дежурно внимает их дежурным восклицаниям по поводу того, что Россия «встала с колен». И честно спросим себя: идет ли речь о невероятно долгод и кошмарном сне – или же о смерти страны?

Задавшись этим вопросом, не будем играть в поддавки. А будем тщательно измерять параметры, которые позволяют получить правдивый ответ на этот страшный вопрос. И признаем, что Россия, встав на капиталистический путь уродливым как никогда образом, получила страшную травму. Но, тем не менее, она жива. И понемногу выходит из своего двадцатилетнего сна, весьма похожего на коматозное состояние.

Не надо сладких иллюзий. Россия еще не проснулась полностью. Она по-прежнему колеблется между жизнью и смертью. Весьма велика возможность, что силы, которым нужна именно смерть России, добьются искомого. Но как бы велика ни была эта возможность, шанс на жизнь у России есть. И этот шанс необходимо использовать полностью. Непростительны здесь любое безволие, любая апатия, любые ссылки на бесконечную слабость друзей России и бесконечную силу ее врагов.

Но что должно быть предложено России, которую капиталистический соблазн уже довел до коматозного состояния? Тот же капитализм, но в неизмеримо большей дозе плюс подавление всего антикапиталистического? А если антикапиталистична вся традиция? Тогда ее надо подавлять всю целиком? Но что тогда останется от России?

Глава 3. На подступах к методу

Нам нужен метод, способный в полной мере раскрыть содержание современной эпохи. Ведь именно от ответа на вопрос об этом содержании зависит все остальное.

Дает ли эта эпоха шанс чему-либо, кроме капитализма? И если да, то чему?

Понятно, что если такого шанса нет, то крах России фактически неизбежен. А если что-то и сохранится в результате мутации духа, смены ядра, ломки культурной матрицы, то сохранившееся уже не будет Россией. Но если такой шанс есть, то может ли Россия им воспользоваться?

Уже на подступах к ответу, который носит буквально судьбоносный характер, надо договориться о методологии, позволяющей получить искомый ответ, не поддаваясь ни соблазну пропагандистского упрощенчества, ни соблазну бесконечных академических умствований.

Политическая методология имеет три базовых элемента – честность, ум и волю. Именно от честности, ума и воли тех, кто ищет выход из тупика, зависит, удастся ли из этого тупика действительно выйти.

Начнем с честности. Весь мир говорит о том, что Россия проиграла «холодную войну». И что державы-победительницы ведут себя теперь с Россией так, как и подобает себя вести победителям с побежденным. Неужели у нас до сих пор не хватает честности на то, чтобы признать: «Да, налицо именно факт унижительного, чудовищного разгрома»?

Чего мы боимся, прячась от очевидности? Того, что эта очевидность раздавит так называемые здоровые силы? Здоровые силы – это стойкие силы. Поэтому бояться тут нечего. Тот, кого подобное признание может раздавить, и так будет раздавлен при первых же серьезных испытаниях.

Итак, издержки минимальны, а приобретения огромны. Признание факта унижительного, чудовищного поражения мобилизует стойких, мужественных людей. Пережив этот факт по-настоящему, такие люди не сломаются, а, напротив, обретут особые силы. Воистину – тяжкий млат, дробя стекло, кует булат.

Признание своего поражения, переживание поражения как величайшей трагедии станет этим тяжким млатом. В огне особого переживания, которое с эпохи Древней Греции и поныне называют «катарсис», родится булат – новый человеческий материал, который один лишь может спасти Россию от почти неминуемой смерти.

Обсудив то, что касается честности, перейдем к уму.

Проиграла ли Россия в 80-е годы XX века «холодную войну»? То, что она проиграла какую-то войну, безусловно. Но была ли эта война той канонической «холодной войной», о которой говорили классики антисоветизма?

Есть известная книга Ричарда Никсона «1999: победа без войны». Само название указывает, что состязание, проигранное Россией, носило более сложный характер, чем классическая война, пусть даже и холодная. Нам абсолютно необходимо понять, какое именно состязание мы проиграли. Тут недопустима никакая неточность. Потому что враг намерен повторить все те же приемы и добить Россию окончательно. Нам нужна поэтому полная – глубокая и беспощадная – аналитика явления, именуемого перестройкой. Тем более, что все уже понимают: России теперь, двадцать лет спустя,

навязывается новая перестройка, «Перестройка-2». И именно эта перестройка, коль скоро ей не удастся дать отпор, станет окончательной русской смертью.

При всей важности таких понятий, как «интеллектуальная война», «диффузная война» и так далее, наиболее глубоким и адекватным сути дела понятием является Игра.

В конце 80-х годов XX века Россию не победили – ее обыграли. Осознание этого обстоятельства немедленно приводит к обнаружению ключевого противоречия нашей эпохи – противоречия между Игрой и Историей. Никогда в предшествующие тысячелетия подобное противоречие не достигало такого накала и такой беспощадности.

Конечно же, знаменитая статья «Конец истории», написанная двадцать лет назад американским политологом Френсисом Фукуямой, – бессодержательна, как все модные тексты. Но почему эта статья стала столь знаменитой? Почему она фактически превратилась в идеологию глобализма и даже чего-то большего?

Потому что проблема конца истории бесконечно более глубока и трагична, чем статья с одноименным названием, написанная по гарвардским банальным клише. Конец Истории – это начало всевластия Игры как манипулятивных комбинаций, создаваемых элитой в условиях отсутствия народной воли, отсутствия народа как такового. Ведь именно народ творит историю, и именно история создает народ как творца истории.

Те, кто разрушал двадцать лет назад Советский Союз, воевали не только с СССР как геополитическим противником и с коммунизмом как идеологическим противником. Они воевали с историей как таковой. Для борьбы с историей были опробованы совершенно новые технологии, созданные в лоне политического постмодернизма, ненавидящего и историю, и большие идеологические проекты, с помощью которых осуществляется историческое движение. Все это – и даже проект «Человек».

Война с СССР и коммунизмом была войной с историей и человеком. А значит, войной с гуманизмом и развитием.

СССР и коммунизм оказались ключевыми и одновременно слабыми звеньями в исторической цепи. Демонтаж СССР и коммунизма – всего лишь пролог к демонтажу истории и человечества.

Признаем же унижительность поражения.

Поймем могущество и коварство своего врага, масштабность его злых помыслов, окончательность его антигуманных проектов.

Признав унижительность поражения и поняв масштаб того зла, которому мы проиграли, осознаем и масштаб утраты. Ведь одним из решающих слагаемых в победе врага было созданное врагом состояние умов и сердец, в котором исчезло само понятие «утраченное».

Ибо утрачивалось советское. А советское было представлено как позорная, кровавая патология, лишенная какого-либо позитивного содержания вообще. Ну может ли такая патология переживаться в качестве утраты? Нет! Если прошлое – это ужас, то разрыв с прошлым – это счастье. «... Те, кто говорили, что прошлое – это не ужас, они нам лгали, лгали, лгали! Они скрывали правду от нас!.. А теперь наконец-то мы эту правду обрели! Мы прозрели! Мы отрекаемся от прошлого, каемся за него!» – вот что, по сути, звучало рефреном в головах многих наших соотечественников.

Такое отречение от прошлого дополнялось крайне специфическим образом счастливого будущего. С каждым новым витком катастрофы, порожденной отречением, становилось все яснее, что образ будущего носит беспрецедентно материалистический, по сути, глубоко антидуховный характер. Что в этом будущем вместо «рая на земле» должны появиться райки и раечки – джинсовые, колбасные и иные.

Итак, отречение от прошлого вообще, от свойственной прошлому идеалистичности – и подмена идеальности как таковой чечевичной похлебкой райков и раечков. Вот в чем был замысел врага. Вот за счет чего он хотел добиться окончательной цели.

Враг преуспел в этом замысле. Но окончательной победы над Россией и историей как таковой он пока еще не добился. И потому злобствует. Потому рвется к новым десталинизациям, десоветизациям, новым перестройкам и перестроечкам.

Пережив поражение и поняв его масштаб, мы должны спросить себя, смиряемся ли мы с поражением.

Тем самым проблемы чувства и ума дополняются третьей проблемой – проблемой воли.

Сегодня эта проблема является ключевой. Перед теми, кто всерьез готов продолжить борьбу, стоят задачи неслыханной сложности. И им отведено совсем немного времени для того, чтобы эти задачи решить.

Если готовые бороться воспримут себя как данность, как то, что есть, и только, если они не будут преобразовывать самих себя, ставя на место унылой данности процесс собственного восхождения, собственного самопреобразования, – новая схватка будет неминуемо проиграна. Причем проиграна окончательно.

И тут к трем рассмотренным нами методологическим факторам – честности, уму и воле – добавляется основной и решающий суперфактор. Имя ему любовь.

Есть ли у тех, кто хочет бороться за Россию, эта любовь? Не любовь вообще, а любовь предельная и окончательная, творящая чудеса? Чему (или, точнее, кому) адресовано это чувство? Одеждам, в которые облачается историко-культурная личность? Или самой этой личности? И что есть эта личность? Как не расчленить ее, умертвляя научной понятийностью? И как не впасть в другую крайность – в нестойкий и бесплодный мистический экстаз?

Тайна не раскрывается в манифестах. Тайна требует таинства. Поэтому, оговорив всю важность преобразующей любви – любви предельной и окончательной, будем исходить из того, что эта любовь уже есть. И спросим себя: если она есть – что дальше?

Дальше речь идет именно о ее возвышающей преобразующей силе.

Честность говорит, что любимое гибнет.

Любовь требует, чтобы ты спас гибнущее.

Честность говорит, что ты – такой, как ты есть – ничего не можешь.

Любовь говорит, что ты должен.

Конфликт между «должен» и «не могу» все более накаляется и кажется все более безысходным. Наконец, ум подсказывает выход: «Это ты такой, как ты есть, не можешь спасти любимое. Но поскольку ты обязан это сделать, то ты просто должен стать другим. И этот «ты-другой» решит задачу, которую «ты-наличествующий» решить не можешь».

Реванш – это признание поражения и готовность победить в будущем. Не болтать о победе, а победить. Поскольку Россию обыграли в сложнейшей игре, поскольку ей вновь навязывают сложнейшую игру, то реванш заключается в том, чтобы выиграть. Но поскольку игра сложнейшая, то выиграть можно, только в полной мере поняв и освоив и игровые правила, и принципы и механизмы ведения игры.

Понять и освоить все это надо не только умственно, но и тотально. То есть так, как понимают люди, которым самим предстоит вести игру и побеждать.

Игра не просто сложна и коварна. Она отвратительна. Все твое существо отторгает подобное тотальное понимание. Тем более что степень сложности требует тут высочайшего и явно у тебя отсутствующего профессионализма. А большинство из тех, у кого профессионализм есть, уже предали и перебежали на сторону противника.

Но поскольку спасти любимое можно, только выиграв эту игру, ты постигаешь все, что тебе нужно для этого выигрыша. Ты становишься специалистом так, как становится медиком мать, желающая спасти своего ребенка. При этом ты реально становишься другим. Честность, ум, воля и любовь преобразуют тебя. И в этом преобразованном состоянии ты уже можешь решить поставленную задачу.

Это не магия и не мистика. Наиболее очевидная для всех форма самоизменения – это образование. Как образование вообще, так и самообразование. Задача политического образования и самообразования приобретает в нынешней ситуации крайне актуальный характер.

Для спасения страны нужны тысячи и даже десятки тысяч по-новому политически образованных людей, связанных узами глубокого взаимопонимания – как нравственного, так и теоретического. Людей, прошедших одну большую политическую школу. В чем-то подобную знаменитому ленинскому Лонжюмо, но неизмеримо более глубокую, подробную и массовую.

Разговоры о спасении нужны лишь постольку, поскольку на их основе сформируются отряды спасателей. Маркс был прав: ученые слишком долго объясняли мир, тогда как дело в том, чтобы его изменить.

Но ведь констатируя это, Маркс не отказался от объяснений, не правда ли?

Глава 4. Мы и наши предшественники

Создавая «Коммунистический манифест», Маркс анализировал буржуазию своего времени.

Настало время для анализа совсем другой буржуазии. Буржуазии нашего времени.

Для анализа буржуазии своего времени Маркс использовал созданный им понятийный аппарат. Этот аппарат не потерял значения и поныне. Но считать этот аппарат универсальным, одинаково применимым во все времена и с одинаковой полнотой описывающим все стороны интересующего нас явления, безусловно, нельзя. «Капитал» Маркса, другие работы самого Маркса и его последователей фокусируют внимание на важнейшем факторе – факторе материального производства. Или, иначе говоря, законах той искусственной материальной среды, которую способен создать и развивать только человек. И которая, будучи отчасти подвластна человеку, одновременно властвует над ним.

Макс Вебер спорил с Марксом не как с коварным злодеем, а как с величайшим ученым, сумевшим блестяще проанализировать ключевой фактор – материальное производство. Признавая колоссальную важность самой этой искусственной материальной среды и действующих в этой среде закономерностей, Вебер убеждал сторонников Маркса рассмотреть в качестве другого независимого фактора – общество. То есть не материальную, а социальную среду – столь же искусственную, как и материальная среда, создаваемая человеком. И имеющую свои законы, как создаваемые человеком, так и властвующие над человеком.

Человек создает общество как систему регуляторов, утверждал Вебер. Эта система регуляторов носит исторически преходящий характер. История есть смена типа регуляторов. А значит, и типа общества. Искусственную материальную среду создает и контролирует не отдельный человек. Ее создает и контролирует организованное в сообщества (то есть общества) человечество.

Но разве Маркс не говорил о социальности человека?

Безусловно, говорил. Причем с предельной определенностью.

Все дело в том, что Маркс не хотел признавать систему общественных регуляторов (в его терминологии – надстройку) отдельным фактором, хоть отчасти автономным от искусственной материальной среды (в его терминологии – базиса).

Для Маркса, как и для Эйнштейна или Фрейда, наличие ряда равнозначимых факторов было неприемлемо, если можно так сказать, эстетически. Этим трем великим ученым обязательно нужно было вывести все законы из одного источника. Неважно, какого именно: эйнштейновской кривизны пространства-времени, марксовской теории труда или фрейдовского Эроса. В конце жизни и Эйнштейн, и Фрейд отказались от принципа выведения мира из одного фактора. Эйнштейн признал темную материю, Фрейд – Танатос. Но Маркс не дожил до XX века с его далеко идущими и очень мрачными коррективами. Стал ли он сам что-то под конец пересматривать и что именно – это вопрос открытый.

Стремление Маркса вывести все из одного принципа, создав именно монистическую, а не какую-то другую теорию, предопределило крайне сложное отношение Маркса к современной ему имперской России. Решив заниматься Россией отдельно, Маркс тем самым уже встал на путь отказа от методологического и теоретического монизма. И никто не знает, как далеко продвинулся бы он на этом пути.

Но именно неокончателность движения Маркса по этому пути не позволяет полностью опереться на его теоретические положения ни в вопросе о

содержании современной эпохи, ни тем более в вопросе о шансах России в XXI веке.

Насущно необходим синтез Маркса и Вебера. В каком смысле? В том смысле, что аналитика искусственной материальной среды, создаваемой и развиваемой человеком, должна быть не отменена, а дополнена аналитикой социальной среды, определяемой системой регуляторов.

Только на такой основе возможна и аналитика современного капитализма, и прогностика, то есть определение перспектив этого капитализма. А значит, и ответ на вопрос о содержании современной эпохи. Маркс многое раскрыл и поразительно многое предугадал. Но ведь не все же он раскрыл и не все предугадал.

Марксизм сыграл сложнейшую роль в жизни советского общества. Он создал это общество. Он помог этому обществу решить очень многие задачи. Но он и затормозил это общество в своем развитии.

Советские идеологи боялись развития марксизма. Они всячески блокировали это развитие, считая, что устойчивость советского общества определяется каноничностью идеологии, в которой Марксу уготована роль мудреца на все времена. Но марксизм был предельно не пригоден для создания канона и каноничной идеологии.

Канонизация Маркса стала одной из черт советского общества. Другой чертой стал оголтелый антимарксизм – как почвенный, так и либеральный. Третьей чертой – произвольные трактовки марксизма, подчиненные политической борьбе советских элитных кланов. Все это не позволяло нам дать адекватный ответ на новые вызовы.

В советскую эпоху синтез Маркса и Вебера не произошел по причинам сугубо политическим. Он был идеологически не нужен. И потому волевым образом отменен. Вопреки научной необходимости. Вопреки тому, что основные предпосылки для этого синтеза уже были созданы Марксом, Вебером и их последователями.

Для такого синтеза были созданы и другие предпосылки. Ибо помимо искусственной среды (которую человек создает и развивает и которая влияет на самого человека), помимо социальной среды (которую человек, опять-таки, создает и развивает, и которая, опять-таки, влияет на самого человека), есть еще и сам человек. Как автономный фактор, ничуть не меньший по значению, чем техносфера и социум.

Человек, развивая материальную среду и социум, развивает и самого себя.

Человек, подчиненный законам материальной среды и социальным законам, подчинен еще и закономерностям культурно-антропологического характера.

Эти закономерности достаточно подробно рассмотрел один из величайших психоаналитиков и философов XX века Эрих Фромм. При этом Фромм восхищался Марксом, а не опровергал его. Он называл Маркса одним из величайших умов человечества. Он хотел дополнить марксизм автономным человекознанием. И он знал, как именно осуществить подобное дополнение.

Новый аппарат, включающий эти дополнения, а также многое другое (скрытую метафизическую полемику Маркса и Гегеля, теологическую аналитику исторического материализма Вальтера Бенямина, «Тектологию» Богданова и так далее), позволяет по-новому оценить содержание современной эпохи. В теоретическом плане предстоит еще сделать очень и очень многое. Но о содержании эпохи уже сейчас можно говорить с достаточной определенностью. И тут, конечно, решающее значение имеет синтез Маркса и Вебера.

Глава 5. Капитализм реальный и иллюзорный

Крах капиталистических иллюзий – вот в чем принципиальная новизна современной эпохи.

А ведь именно на этих иллюзиях строился проект ускоренного построения капитализма в России. А значит, и демонтаж СССР, советской системы, мировой коммунистической системы, мирового идеологического и политического баланса сил. Все это решено было демонтировать ради того, чтобы скорее запрыгнуть пусть даже в самый убудочный, но все же капитализм.

Когда-то Илья Эренбург написал роман «Трест ДЕ», имея в виду некий политический трест, провозгласивший лозунг «Даешь Европу!».

СССР, советский образ жизни, весь альтернативный капитализму мировой проект раскурочили создатели «Треста ДК» («Даешь капитализм!»).

Создатели этого Треста утверждали, что только в капитализме спасение. Они говорили: «Плевать на то, насколько капитализм совместим с Россией. Нечего с этой самой Россией цацкаться. Если капитализм с нею несовместим, тем хуже для нее. Ибо только в капитализме спасение».

Аргументы создателей «Треста ДК» оказались очень убедительны и соблазнительны для наивного советского общества. Но то, что общество приняло за горькую правду, к 2008 году окончательно обнаружило свою иллюзорность.

Капитализм как безальтернативный уклад, как окончательный итог человеческой истории – это иллюзия. Пропаганде этой иллюзии послужила

достаточно примитивная на первый взгляд, но имеющая глубокий концептуальный подтекст статья Френсиса Фукуямы «Конец истории».

Теперь мы видим, что нет никакого конца истории в том смысле, в каком его понимают Фукуяма, неогегельянцы, у которых Фукуяма учился, и авантюристы, превратившие опус Фукуямы в политический флаг так называемого глобализма.

Что нет ни этого конца истории, ни конфликта цивилизаций, провозглашенного Хантингтоном – консервативным собратом Фукуямы, который взялся концептуально окормлять Республиканскую партию США.

Но что же есть?

Мы уже констатировали, что налицо крах капиталистических иллюзий. Тех самых иллюзий, которые породили перестройку и постперестройку - самый горький и унижительный период нашей истории:

- период принятия на веру новой мифологии: «Долой «совок» во имя капитализма!»;
- период самоизмены, отказа от собственного исторического пути: «Зачем нам этот свой путь, если есть одна-единственная капиталистическая историческая магистраль?»;
- период низменных и надрывных капиталистических упований: «Раз оплошали, не на ту карту поставили, то выбросим фантазии на свалку и хоть наедемся досыта да развлечемся по-настоящему».

Теперь то, что тогда казалось победой здравого смысла над советскими «иллюзиями», само оказалось иллюзией.

Зафиксировав это, зафиксируем и другое.

Что об этом крахе иллюзий мы предупреждали еще в концептуально-аналитическом манифесте «Постперестройка». Ровно двадцать лет назад, в 1991 году предупреждали: «Не принимайте иллюзии за реальность!».

Ровно двадцать лет назад говорилось и об иллюзорности победы мирового капитализма, и о страшных последствиях затеи, планируемой в России «Трестом ДК».

Увы, вопреки этим предостережениям общество поддалось упоительному пению капиталистических сирен, поднаятых для грязной пиар-работы этим самым «Трестом ДК».

Теперь хозяева Треста невероятно обогатились, а все остальные кусают локти. Но ведь иначе и не могло быть. Ибо оказался построен тот самый мафиозный псевдокапитализм, о котором говорилось в «Постперестройке». Ибо рухнули те самые глобальные капиталистические иллюзии, которые обсуждались в этой книге. И обрушение произошло именно по тому сценарию, который был в ней описан.

И если хотя бы сейчас не опомниться, то все будет развиваться именно по этому, абсолютно губительному для России, да и для мира, сценарию. А значит, надо опомниться хотя бы сейчас.

Сейчас или никогда. Такова цена обсуждаемого вопроса.

Если и сейчас, в условиях колоссальной разочарованности историческими результатами последнего двадцатилетия, страна не найдет в себе силы для преодоления навязанной ей стратегии отречения от собственного исторического пути – крах неизбежен. И он не заставит себя долго ждать. Если Россия не сумеет опомниться сейчас – она исчезнет с карты мира до 2020 года.

Глава 6. Будущее «Треста ДК»

В противоположность тому, что здесь утверждается, «Трест ДК» упорствует, настаивая на том, что альтернативы капитализму нет. А значит, этот капитализм надо достраивать, наплевав на все издержки, сколь бы велики они ни были.

Верит ли сам «Трест ДК» в свою историческую правоту?

Прочитайте внимательно все его псевдоконцептуальные документы. Ознакомьтесь с идеями авторов «Стратегии-2020» (и дополнениями к «Стратегии-2020»), «Стратегии-2030» (и дополнениями к стратегии «Стратегии-2030»), стратегии демократической модернизации, стратегии интеллектуализации экономики (4И, 5И – кто больше?)...

У вас все это не вызывает чувства предельного разочарования и крайней неловкости?

Разумеется, вызывает. Но ведь речь идет не о большей или меньшей глубине мысли отдельных сочинителей. Речь идет о фиаско «Треста ДК».

Вот почему в заказанных им документах нет ни слова правды.

Вот почему в них нет ни желания признать катастрофичность наличествующего, ни воли к преодолению тех тенденций, которые усугубляют катастрофичность уже не год от года, а день ото дня.

«Трест ДК» по-прежнему не верит в то, что некапиталистичность России – это не уродство, а нечто совсем другое. Вот почему его сирены в лучшем случае могут сменить интонацию своего пения. Но и не более того.

Неверие в историческую, глобальную значимость всего того, что сделало Россию непохожей на своего западного исторического оппонента (а также тех, кто оппоненту этому подражает), не позволяет выработать стратегию выхода из нынешнего губительного состояния. Ибо само это состояние как раз и порождено подобным неверием.

Нет веры – нет любви, нет надежды. Но тогда, конечно, нет и полноты ответственности. А без нее – откуда возьмутся силы для преодоления макросоциальных тенденций, не совместимых с жизнью страны?

Откуда возьмется элементарное желание всерьез говорить о серьезном?

Концептуальные документы Треста – несерьезны, и это фундаментальная их особенность. Связанная с тем, что никто из творцов этих документов ни на минуту не сомневается в том, что документы – сами по себе, а процессы – сами по себе. Не пряча даже на людях саркастические улыбки, творцы этих документов совсем уж не стесняются, когда ведут так называемые «интеллектуальные дискуссии». Тут все говорится напрямую. Мол, пульса нет. А на нет и суда нет. Раз пульса нет, то надо болтать и готовить «свал».

Итак, официоз не хочет и не может преодолеть губительные тенденции. Ибо они порождены тем, от чего официоз никогда не откажется и что ему гораздо дороже жизни страны. А коль скоро официоз не хочет и не может преодолеть губительные тенденции, крах страны неминуем.

Официозу на этот крах наплевать. Нам – нет.

Официоз не хочет обустроить Россию. Он хочет обустроиться в своих зарубежных поместьях и оттуда наблюдать крах России так, как зритель наблюдает увлекательное театральное представление.

Официоз сильно ошибается во всем, что касается собственного обустройства на Западе. Но тем хуже для него. Мы же обустраиваться на Западе не собираемся. Мы хотим победить вместе со страной или погибнуть вместе с нею. И мы верим в победу. Мы не ищем себе отдельной уютной гавани. Россия – тот корабль, с которого мы не побежим.

Да, этот корабль находится в плачевном состоянии. Да, впереди ужасные испытания. Ну и что?

Мы принимаем вызов. И потому обращаемся к обществу с этим манифестом, взыскующим исторической, глобальной ответственности.

Мы адресуем свой манифест тем, кто прозрел. Кто уже понял всю постыдность и губительность «импульсов», благодаря которым Россия сбилась со своего исторического пути. Кто хочет вернуть Россию к самой себе – к собственной правде и подлинности.

Остальные тоже прозреют – но слишком поздно. Вот почему так важно, чтобы прозревшие сейчас нашли в себе силы для стратегического ответа на страшные вызовы. Чтобы уже сейчас были полностью осмыслены гримасы последнего десятилетия. Чтобы были извлечены фундаментальные уроки. Чтобы произошедшее не повторилось более никогда. И чтобы в этом «никогда» было искупление позора последнего десятилетия.

На основе извлеченных уроков нужно незамедлительно выработать новый концептуальный и стратегический курс. Он же – новый исторический проект, спасительный и для России, и для всего человечества.

Но проекта мало. Нужен субъект, который способен этот проект осуществить.

Проект – сейчас или никогда.

Субъект – сейчас или никогда.

Сейчас или никогда – главный лозунг нашей эпохи. Потому что потом уже будет поздно. Потому что потом уже не будет никакого «потом» для тех, кто любит Россию.

Тем, кто осознал все это или готов к подобному осознанию, – наш новый и последний манифест.

Мы обосновали уже, почему «последний».

Почему «новый», мы обоснуем сейчас.

Глава 7. Только ли крах иллюзий?

Продолжая обсуждать содержание современной эпохи, мы категорически отказываемся сводить ее к констатации краха капиталистических иллюзий. Нужна аналитика, позволяющая выявить генезис этого краха, его структурно-функциональные особенности, его последствия и возможные пути выхода из него.

Именно для этого нужна методология, основанная на синтезе Маркса и Вебера. Результаты ее применения к анализу современной ситуации таковы.

Буржуазия как класс сформировалась в недрах феодального общества.

Феодализм допускал и даже поощрял создание подобного класса.

Феодалам нужны были кредитуемые их торговцы. Но еще больше им нужны были зачатки будущего промышленного производства.

Рыцарь не мог обойтись без кующего ему доспехи оружейника. Королю для победы в войнах нужны были не только пики и мечи, но и мушкетеры, пушки, корабли. А также многое другое.

Задолго до победы капитализма сформировался неизбежный исторический компромисс между феодалами и буржуа. Успехи науки и техники, порожденный этим рост промышленности – постепенно склоняли чашу весов в сторону буржуа.

Политическим оформлением этой тенденции стали великие буржуазные революции. Но они – при всей их беспощадности и радикальности – лишь дооформили то, что уже имело место. Буржуазия к этому моменту уже полностью состоялась. Буржуазные семьи восходили по лестнице успеха, исповедуя дух скромности, трудолюбия и законопослушания. Этому способствовало оформление в недрах христианства новой религии – протестантизма.

Нельзя никоим образом приукрашивать триумфальное шествие к власти класса капиталистов. Этот класс никогда не чурался грабежа. Многие буржуазные состояния формировались на основе торговли рабами, пиратства, чудовищного ограбления колоний. И все же тот фундамент, на котором было возведено величественное здание западного, а впоследствии и восточного капитализма, не был криминальным.

«Мы трудимся, а вы занимаетесь кутежами», – говорили буржуа феодалам.

«Мы живем скромно, а вы утопаете в роскоши», – говорили они, демонстрируя свои скромные коричневые сюртуки, свой экономный образ жизни, свою культуру, свои жилища.

Какие бы криминальные черты ни населяли тихий омут восходящей буржуазии, суть этой буржуазии была антикриминальной.

«Это феодал добывает деньги разбоем или дворцовым угодничеством, а мы трудимся, копим деньги, передаем свои скромные накопления детям, которые накапливают больше таким же честным трудом – и так из поколения в поколение», – вот что говорили буржуа всем другим слоям феодального

общества. Сказанное не было ложью. Общество имело конкретные социальные доказательства того, что честный труд, цепкость, ум, расчетливость, способность к продуманному риску являются основополагающими чертами нового восходящего класса.

Сравним все это с проектом нашего «Треста «Даешь капитализм».

В советском обществе, в отличие от общества феодального, буржуазия не могла формироваться в виде нового законопослушного класса, имеющего свои нормы, свои ценности, свои принципы, свои идеалы и, наконец, свой Проект.

Сколько денег мог накопить за свою жизнь законопослушный советский высокооплачиваемый специалист? Мог ли такой, сколь угодно высокооплачиваемый, но законопослушный специалист накопить хотя бы миллион рублей? Даже если академик откладывал по тысяче рублей в месяц (а это почти фантастический вариант) и находился в статусе академика 30 лет (а это тоже почти фантастический вариант), он мог накопить 360 тысяч рублей.

Представители творческой интеллигенции – писатели, кинорежиссеры, киносценаристы, художники и так далее, – проявив все качества пушкинского скупого рыцаря, могли, наверное, накопить несколько больше. Но в истории СССР нет представителей этих профессий, проявлявших подобные качества и тяготевших к подобным накоплениям.

Внимательный анализ перечня всех высокооплачиваемых профессий показывает, что законопослушный слой советских граждан, обладавших высокой и сверхвысокой способностью накапливать средства, вряд ли превышал тысячу человек. А совокупный потенциал накопления, безусловно, не превышал 1 миллиард рублей.

Между тем, для осуществления проекта «Треста ДК» нужно было ускоренно скупить основные фонды, стоившие гораздо больше триллиона рублей.

Тем самым Трест должен был либо отказаться от своего проекта ускоренного построения капитализма в России, либо допустить скупку основных фондов далеко не законопослушными гражданами, принадлежащими к трем категориям.

Первая – так называемые цеховики. Это советские граждане, работавшие на грани или за гранью нарушения закона. Чаще всего за гранью. И все же это была самая законопослушная из тех групп, на которые «Трест ДК» мог опираться в своем проекте. Потому что представители этой группы хоть что-то производили. Пусть левым способом, пусть из незаконно добываемых материалов. Кроме того, представители этой группы, все время находясь в зоне крайнего риска, обязаны были в какой-то степени дистанцироваться и от

местного коррумпированного аппарата, и от стопроцентного криминала. В противном случае цеховик погибал или сгнивал в тюрьме.

Расшаркиваясь и перед криминалом, и перед коррумпированными чиновниками, цеховик не мог себе позволить оказаться в предельной зависимости от данных категорий соучастников цеховой деятельности. Много ли цеховиков преуспело за годы реализации проекта «Треста ДК»? В лучшем случае речь идет о десятках по-настоящему преуспевших представителей этой категории.

Вторая категория – ничего не производящие спекулянты. В советском обществе существовала жесткая регуляция цен. Поэтому любой советский торговец, продающий полученные государственным магазином товары хотя бы на рынке, имел огромную прибыль, ничего не создавая. Если первую категорию можно назвать темно-серой, то вторая уже относится к черной.

Третья категория – совсем уж черная – это воровские общаки.

Выводя за скобки более сложно построенные начальные капиталы (спецслужбистские в том числе), мы приходим к выводу, что приватизация, осуществленная «Трестом ДК», была по определению криминальной. Но и выведенные нами за скобки более сложно построенные начальные капиталы тоже были криминальными.

Итак, буржуазия, которая медленно возрастала в недрах феодализма, – вне зависимости от того, идет ли речь о буржуазии западной или восточной, – была по существу некриминальной. А буржуазия, которую возвращал «Трест ДК», была криминальной. И не могла быть другой.

Продажа предприятий за бесценок или даже раздача их даром, конечно, имела место. Но и этот тип приватизации ничего не менял по существу в «цвете» ускоренно создаваемого российского капитализма.

Уже одно это радикальнейшим образом отличало создаваемый в России капитализм от капитализма сколь-нибудь нормального. Хотя и этот, так сказать, нормальный капитализм тоже был по сути своей грабительским. И зачастую предпринимались самые радикальные усилия для того, чтобы сдерживать крайние и абсолютно разрушительные проявления его грабительской сути.

Хозяева «Треста ДК» возвращали не нормальный, несовершенный, как все другие уклады, капитализм. Они возвращали криминального монстра. Возвращали псевдокласс-пожиратель. Они его взрастили. Класс стал пожирать всё и вся. И занимается этим все двадцать лет, причем по принципу «аппетит приходит во время еды».

Могли этого не понимать создатели «Треста ДК»? Безусловно, не могли. Но они создали именно то, что и хотели создать – смерть России. Пусть они не лгут, что хотели спасти Россию, приобщая ее к капитализму. Не этим они занимались, осуществляя свой, по сути, ликвидационный проект.

Сопоставив тип накоплений, сопоставим и остальное.

Ведь существует так называемый этап первоначального накопления капитала. В классических случаях медленного формирования капитала в недрах феодализма в первоначальном накоплении может преобладать «белое» слагаемое. Хотя всегда присутствуют и другие. Но если капитал формируется быстро, то доли «серого» и «черного» слагаемых естественным образом увеличиваются на первой фазе – фазе первоначального накопления. А потом возникает острейшая необходимость выйти из этой фазы. Оторвать накопившийся капитал от криминальной пуповины. Если это не сделать быстро и беспощадно, государство, в котором господствующим является капитал, не вышедший из первоначального накопления, становится не криминализованным, а криминальным.

Криминальное государство не может быть устойчивым по определению. Оно не может сосуществовать с нормальными, пусть и криминализованными, но не криминальными государствами.

Грань между криминальным и криминализованным государством – это грань между жизнью и смертью. Криминальные государства уничтожаются беспощадно. Пример – уничтожение пресловутых пиратских королевств. Даже если этого не происходит, криминальные государства уничтожают сами себя. Но обычно их, как разносчиков смертельного заболевания, уничтожают те, кто с ними соприкасается.

Могли ли не понимать этих азов создатели «Треста ДК»? Нет, они не могли всего этого не понимать. Но они делали все, чтобы российский капитализм не вышел из стадии первоначального накопления. Они всячески поощряли все виды его криминализации. И они добились своей цели. Класс мутировал окончательно, пустив метастазы во все институциональные оболочки.

Налицо опять же не воля к построению капитализма, а воля к уничтожению России криминальным псевдокапитализмом. Через передачу этому криминальному псевдокапитализму всех функций господствующего субъекта. И – превращение государства в криминального монстра.

Предупреждал ли манифест «Постперестройка» о том, что так произойдет? Безусловно.

Произошло ли это? Конечно.

Произошло ли это случайно или по глупости? Никоим образом.

Является ли ситуация обратимой? При том, повторяем, что исторической России присуще мощное отторжение любого, даже некриминального капитализма.

С прискорбием должны констатировать, что никаких реальных поползновений к тому, чтобы исправить ситуацию, у нынешней власти нет. На повестку дня даже не ставятся очевидные задачи, вытекающие из всего вышеизложенного. Например, задача выхода из смертельно затянувшейся фазы первоначального накопления капитала. Или задача декриминализации капитала. Место этих конкретных задач все в большей степени занимает подозрительное прекрасодушие. Неизжитая за двадцать лет наивность? Или маска, надетая субъектом, который понимает, что страну вот-вот дожрут до конца, и не желает сопротивляться этому?

Отторжение исторической Россией любого капитализма...

Сознательное формирование в течение этого двадцатилетия капитализма криминального и несовместимого с жизнью России...

Что еще жизненно важно обсудить в связи с судьбой капитализма у нас и в мире, в связи с ответом на жгучий вопрос о содержании современной эпохи?

Глава 8. Буржуазия и общественные задачи

Наиважнейшей чертой нормального класса буржуазии была способность этого класса выступить в качестве общественного лидера. То есть локомотива истории. Нормальная буржуазия той созидательной эпохи и впрямь была историческим классом. Классом-лидером. Классом, осуществлявшим то, что необходимо было широчайшим слоям тогдашнего общества.

Провозгласив лозунг «свобода, равенство, братство», буржуазия, конечно же, создала общество, весьма далекое от этого великого идеала. Но она не была при этом исторически бесплодна.

Она сломала унижительные сословные перегородки.

Она дала крестьянам помещичью землю.

Она создала новый тип общности – буржуазную нацию.

Она сумела предложить новое понимание человеческого удела, новые ценности, новые идеалы.

Да, вскоре выяснилось, что у буржуазной медали есть обратная сторона. Что великие свершения покупаются ценой невероятных страданий

эксплуатируемых масс вообще и рабочего класса в первую очередь. Что под сурдинку разговоров о ценностях на пьедестал потихоньку возводят Золотого тельца.

И все же для той восходящей, исторически состоятельной буржуазии ни гуманизм, ни прогресс не были пустыми словами.

У той восходящей, исторически состоятельной буржуазии была своя миссия, свой образ будущего, своя великая историческая мечта.

Это нашло отражение в искусстве и культуре.

То восходящее, исторически состоятельное буржуазное общество не было культурно бесплодным. Оно создало великую литературу, великую музыку, великую живопись. А значит, сумело придать новое качество гуманистическим устремлениям человечества.

Поэтому нельзя отрицать культурную, а значит и гуманистическую, миссию буржуазии. Да, созданная ею культура была беспощадна по отношению к своему создателю. Но это не аномалия, не патология, а норма исторической жизни. Отдадим же должное величии той буржуазии, которая начала формироваться на Западе в лоне феодализма с середины XVвека. И к началу XIXвека стала господствующим классом и классом-лидером.

Глава 9. Буржуазия как класс, создавший и осуществивший колоссальный исторический и социокультурный Проект

Свойственные России раздумья по поводу того, «что делать» и «кто виноват», необходимы, но недостаточны. Ибо нельзя ответить на вопрос «ЧТО делать», не поняв, КТО именно будет осуществлять данное ЧТО.

Отвечая на вопрос, ЧТО именно надо делать, мы занимаемся аналитикой ПРОЕКТА, в ходе реализации которого произойдут необходимые исторические преобразования.

Отвечая на вопрос, КТО именно должен осуществлять это ЧТО (то есть реализовывать исторический необходимый ПРОЕКТ), мы занимаемся аналитикой СУБЪЕКТА.

Нет проекта без субъекта. И нет субъекта без проекта.

Ибо субъект, не имеющий проекта, вершит произвол и очень быстро покидает историческую сцену. А проект, который лишен субъектности, является абстрактной утопией.

Без субъекта проект повисает в воздухе. И превращается в унижительную маниловщину.

Восходящая буржуазия имела проект Модерн и одновременно брала на себя роль субъекта. То есть класса, способного этот проект осуществить.

Восходящая буржуазия сформировала социальный заказ на свой великий проект.

Этот заказ осуществили великие мыслители.

Их имена вошли в историю. И не изымаемы из нее.

Великая когорта просветителей смогла открыть для человечества новые социальные и духовные горизонты. Но эта когорта была лишь частью интеллектуального воинства, призванного буржуазией под свои исторические знамена.

Ибо, предлагая одной части общества светский, узко просветительский вариант проекта Модерн, буржуазия предлагала другим слоям общества накаленно-религиозный вариант того же самого проекта Модерн.

Таким образом, заявленный буржуазией великий проект намного шире классического просветительства. Притом, что классическим чаще всего именуют просветительство европейское, противопоставляя его американскому или, шире, англо-саксонскому.

Но и такое противопоставление не исчерпывает даже самых важных нюансировок, вне которых проект Модерн просто не существует. А значит, религиозные модификации проекта Модерн (так называемый христианский модернизм, шире – религиозный модернизм вообще) очень тонко сопрягаются со светскими модификациями того же самого великого проекта.

Проект Модерн – это великое здание, в котором нашлось место для очень и очень многого.

Именно дополнение данной характеристикой всего того, что называется марксистской аналитикой капитала, и является простейшей формой осуществления синтеза теорий Маркса и Вебера.

Буржуазия – это класс, создавший новый тип искусственной материальной среды, в которой обитает человечество. Иначе – новый тип производительных сил.

И буржуазия – это класс, создавший новую социальную среду с принципиально новыми регуляторами. То есть не только производственные

отношения как нечто, определяемое производительными силами, но и нечто намного большее: новый тип легитимности.

Глава 10. Классовое господство и легитимность

Легитимность – это принимаемое обществом объяснение причин, по которым один класс осуществляет господство по отношению к другим классам. Для того, чтобы общество приняло факт господства того или иного класса, данный класс должен выступать в качестве безусловного и безальтернативного носителя очень нужных обществу благ. Тогда и только тогда формируются устойчивые уклады и устойчивые политические системы.

История учит нас, что господство без легитимности – крайне уродливо и крайне недолговечно. Господствующий класс, теряющий легитимность, должен заменять ее грубым доминированием. Теми штыками, которые не раз упоминали крупные политики, в том числе Ленин, подчеркивая, что усидеть на них невозможно.

Создав великий проект Модерн, буржуазия обрела историческую легитимность. При этом крайне важно оговорить, что буржуазия, предъявив Модерн в качестве общего блага, а себя – в качестве субъекта, осуществляющего проект (то есть являющегося источником этого блага), фактически очертила границы собственной легитимности. А значит, поселилась на определенной проектной, идеологической, смысловой территории. Застолбив эту территорию как свою.

Соседние территории тем самым оказались чужими.

Именно проект Модерн легитимирует буржуазию в качестве субъекта, осуществляющего данный проект.

Именно на территории Модерна, территории собственной легитимности, буржуазия отчасти усмиряет свойственный ей разбойный дух. И частично превращается тем самым из «класса-для-себя» в «класс-для-других».

Именно на территории Модерна не происходит по данной причине исторической и экзистенциальной мутации класса буржуазии. Не происходит ее окончательного отчуждения от идеалов и целей.

Очевидно, что выход за территорию Модерна как территорию собственной легитимности чреват и для буржуазии, и для человечества в целом чудовищными, абсолютно губительными последствиями.

И вновь сравним этот классический тип оформления нормальной буржуазности с тем, что оформлялось в России. Создала ли наша криминальная буржуазия и ее создатели – «Трест ДК» – новый тип легитимности? Были ли предприняты хоть какие-то попытки что-либо сделать в этом направлении? Ничуть не бывало. Напротив, «Трест ДК» и его идеологическая обслуга подавляли любые попытки оформления чего-либо легитимного. Потому что легитимность всегда порождается той или иной моральной установкой, а также теми или иными ценностями и идеалами.

Никогда ни один класс, стремящийся к легитимности, не станет сам исповедовать религию Золотого тельца. И уж тем более не будет навязывать эту религию обществу. Последнее не только аморально, но и вопиющим образом контрпродуктивно.

Между тем, «Трест ДК» занялся именно уничтожением всех предпосылок к какой-либо легитимации чего бы то ни было. Невиданный по своей хищной паразитарности класс оказался вдобавок ко всему лишен моральной, идеальной узды. Нет никаких исторических прецедентов осуществления кем-либо когда-либо чего-либо подобного.

Но как бы ни была важна констатация сугубой патологичности и неслыханной бесперспективности всего, что связано с нынешним российским капитализмом, намного важнее обсудить другое. Судьбу любого современного капитализма. Да, именно любого. Пусть и лишенного тех монструозных черт, которые навязаны российскому капитализму и заводят его – да и все общество – в неслыханный, беспрецедентный тупик.

Глава 11. Буржуазия и Современность

Не происходит ли сегодня выхода всей буржуазии, всего мирового капиталистического уклада за пределы собственной легитимности?

Не покидает ли сегодня весь буржуазный класс ту проектную, ценностную, смысловую территорию, на которой он только и может существовать в качестве «класса-для-других»?

Не расплывывается ли сегодня весь буржуазный класс со всеми своими историческими обязательствами?

Не сбрасывает ли с себя сегодня весь буржуазный класс узду морали, целей, норм, общезначимых идеалов и ценностей?

А если он и впрямь сегодня занимается именно этим?

В зависимости от того, каков ответ на этот вопрос, по-разному будет определяться содержание современной эпохи.

Мы отвечаем утвердительно. Мы говорим: «Да, именно весь капитал, вне зависимости от степени его патологичности или нормальности, теряет всемирно-историческую легитимацию. Именно потеря этой легитимации – очевидная, коль скоро теория Маркса может быть дополнена хотя бы теорией Вебера – стократно усугубляет чудовищность нашей внутренней ситуации. И не дает нам никаких шансов на исправление нашего капитализма. Разве что кому-то захочется произвести методологическую и политическую инверсию и заняться – вместо построения социализма в отдельно взятой стране – построением в отдельно взятой стране особого капитализма, который не потеряет легитимности у нас (при том, что он потеряет ее везде).

Но проблема слишком тягостна и остра для того, чтобы упражняться в подобных сомнительных методологических и политических изысках.

Слишком ясными и зловещими становятся, увы, симптомы покидания современной буржуазией территории собственной легитимности.

А поскольку впервые буржуазия попыталась сделать это в Германии в 1933 году, то масштаб проблемы огромен. Речь идет о самом грозном из всех вызовов, которые когда-либо маячили на всечеловеческом горизонте.

Но – и это вытекает из всего, сказанного выше, – поскольку мы опять оказались слабым звеном в мировой цепи, то именно нам предстоит заняться всем сразу. И осознанием того, насколько реален подобный римейк, возвращающий нас в ситуацию смертного боя с фашистской силой темною. И поисками ответа на этот самый римейк. Коль скоро он и впрямь реален и даже неотвратим.

Вот чем объясняется наше особое политическое внимание к такой, казалось бы, абстрактной проблеме, как проблема проекта Модерн, волновавшая и самого Вебера, и его последователей.

Ощущая все неблагополучие нынешней российской и общемировой ситуации, мы хотим получить точный ответ на самый проклятый вопрос современности – вопрос об окончательной потере капитализмом своей проектной (а значит и всяческой) легитимности. Такой ответ нужен сегодня всем и везде. Но он особо нужен сегодня нам на нашей многострадальной земле.

Почему Россия в 1917 году отвергла капитализм? Была ли в этом историческая правота и историческая обусловленность?

Что именно она отвергла? Капитализм по Марксу или капитализм по Веберу – притом, что капитализм может быть понят как полная и замкнутая система,

только если он является и капитализмом по Марксу, и капитализмом по Веберу, и капитализмом по Фромму. И все же для нас сейчас важнее всего те слагаемые капитализма, которые проанализировал Вебер. И которые задаются понятием Модерн.

Глава 12. Проект Модерн и судьба России

Судьба России вскоре будет решаться так называемыми лишними людьми. Каковыми в условиях дальнейшего распухания российского криминального капитализма скоро станет как минимум 100, а то и 120 миллионов наших сограждан.

Ибо криминальному капитализму нужно никак не более 40 миллионов человек для того, чтобы создать супермашину воровства и цинично отрекомендовать ее в качестве государства.

Без массивного давления извне российский криминальный капитализм будет двигаться к желанной для него цели создания именно подобного «государства» – как говорят, вразвалочку, не спеша.

Большинству наших сограждан, в том числе и прежде всего представителям ненужных уже интеллектуальных профессий, будут предоставлены на выбор две возможности: гибнуть здесь или спешно бежать за рубеж.

Вариант «гибель» (с его модификациями «маргинализация», «люмпенизация» и так далее) и вариант «бегство» – будут осуществляться одновременно. Одни потянутся за рубеж. Другие – будут гибнуть. Спиваться, сходиться с ума, опускаться на маргинальное дно, деградировать, люмпенизироваться и так далее. Как мы видим, оба варианта уже правят бал в современной России. О чем теперь уже многие наши социологи говорят даже без содрогания, а напротив, как о чем-то нормальном. И чуть ли не оптимальном.

Для достижения криминального анти-идеала нужно, чтобы в год мясорубка варианта «бегство» пропускала через себя хотя бы 5 миллионов людей. И мясорубка варианта «гибель» – столько же.

Вывод из социума 10 миллионов человек в год очень скоро превратит страну в суперструктуру, состоящую из мафиозного ядра и мафиозной же периферии. Структура будет становиться все более и более шаткой. Продержится ли она 6-8 лет или рухнет раньше, зависит от непредсказуемых обстоятельств.

В гниющем доме обрушение может начаться от чего угодно. От того, что вы сильно хлопнули дверь. От того, что вы дернули оконную раму. От того,

что вы чихнули, наконец. А поскольку внешние силы побуждаются к активным действиям всей логикой мирового процесса, то... Представьте себе быстро гниющий дом, по которому бьют тараном.

Тут можно спорить только об одном: рухнет ли он с первого удара или с десятого. А также о силе и сосредоточенности этих ударов.

Пока еще так называемые лишние люди (они – реальный цвет и большинство нации, они же – наш народ, и так далее) не оказались окончательно превращены в нежизнеспособный фарш криминально-капиталистической мясорубкой, у них есть время опаматоваться. Наш моральный, экзистенциальный, исторический долг – всячески способствовать этому. Не щадя сил. Подчиняя себя этой цели полностью.

Упования на то, что наши братья, они же «лишние» (а мы при подобном ходе событий столь же лишние, как они), опаматуются, отреагировав на простейшие наши лозунги – от лукавого. В подобном случае все сразу хватаются за великие ленинские простейшие лозунги и декреты. Забывая, что лозунги были выдвинуты фактически на самой последней стадии процесса взятия власти. А до этого существовали совершенно другие стадии, на которых шла совсем другая, отнюдь не лозунговая, деятельность.

Большевики апеллировали не только к хлебу, миру и разделу помещичьей земли. В противном случае они никогда не смогли бы победить эсеров, у которых они эти апелляции, мягко говоря, позаимствовали. Большевики апеллировали к новому великому Красному антикапиталистическому проекту. В котором историческая Россия каким-то сложным образом сумела рассмотреть нечто, глубоко созвучное ее сокровенной сути.

Банальное нытье об антирусской сути большевизма вскоре перестанет убеждать даже самих нытиков. По прошествии двадцати страшных лет слишком многим уже понятно, что даже интеллигентский, очень западнический на первый взгляд большевизм каким-то способом оказался созвучен сокровенным и глубочайшим народным чаяниям. Чайниям предельным, хилиастическим.

А ведь помимо интеллигентского большевизма существовал еще и глубочайший народный большевизм, чья тайна до сих пор не раскрыта. И без которого большевики никогда бы не смогли ни взять власть, ни тем более ее удержать.

Итак, не будем ни отрицать значение простейших лозунгов, ни увлекаться их соблазнительной простотой. Либо Россия в XXI столетии обретет себя после всего случившегося, воодушевившись новым большим проектом, либо она перестанет существовать.

Наша задача – предъявить России этот большой проект, который был бы преемником всего ее прошлого и одновременно был бы устремлен в будущее.

Сначала большой проект – сколь бы сложен и неочевиден он ни был. Потом – простейшие лозунги.

Наша задача – не только предъявить такой проект, но и создать полноценный субъект, способный реализовывать этот новый проект так же, как буржуазия прошлых веков реализовывала свой великий проект Модерн.

Большевистская партия в 1917 году предъявила народу не только большой проект, но и себя в качестве субъекта, способного этот проект реализовать. А коль скоро это так, то большевистская партия не была партией в классическом смысле этого слова. Она была чем-то гораздо большим.

Нас не интересует проект как научная литература любого, даже самого высокого, качества.

Проект – это нечто большее. Это мощнейший смысловой магнит, способный втянуть в себя все, что хранит в себе тайную способность определенным образом намагничиваться.

Ситуация – вот что превращает в смысловые магниты самые холодные высоколобые тексты. Не будем разводить руками, говоря о невозможности решения подобной задачи. В конце концов, именно ситуация превратила в подобные магниты сверхсложные тексты Маркса. Именно ситуация создала целый слой людей, которые днями и ночами сосредоточено впитывали марксистскую сверхсложность. Не лишенную, конечно, политической страсти. Но и не тождественную ей. Страсть извлекали из Маркса те, кто его читал. Точнее, они эту страсть обнаруживали, скручивали в накаленный волевой жгут, усиливали, преобразовывали.

Сделать все это они смогли лишь потому, что в спину им дышала новая ситуация, она же История. Некоторые из них говорили, что слышат ее шаги. Другие – что она их выкликает по именам. Они не просто говорили об этом. Они подтверждали это подвижническим трудом и подвигом.

Так что не будем говорить о том, что сопряжение Маркса с Вебером, а также бог знает с кем еще, не даст того эффекта, который в начале прошлого столетия породил высоколобый труд под названием «Das Capital».

Обсудим лучше то, насколько мощно ворожит современность, превращая в сгусток политической и метафизической страсти синтез Маркса и Вебера.

Глава 13. Судьба Модерна и судьба капитала

Рассмотрение вопроса о судьбе капитализма через призму потери или сохранения легитимности требует выхода за рамки классического марксизма. Для которого вопрос о легитимности по определению не может носить основополагающего характера. Строго говоря, в понятийном языке марксизма вообще нет понятия «легитимность».

Для понимания судьбы капитализма необходимо введение подобного понятия в чуждый ему марксистский контекст. Это и проблема теории, и практическая политическая проблема. Ее решение возможно только в рамках синтеза Маркса и Вебера. В противном случае мы либо потеряем марксизм (что приведет к существенной аналитической, а значит и политической, дезориентации), либо не получим доступа к аналитике ключевой проблемы XXI века.

Капиталистический класс оформился политически и исторически, создавая проект Модерн.

Стремясь к господству и легитимности, этот класс предъявил обществу данный проект в качестве своего главного и ценнейшего нематериального актива.

Вне проекта Модерн капиталистический класс полностью лишен и исторического ореола, и вытекающей из него легитимности. Капиталистический класс минус проект Модерн – равно чему? Дворцам и яхтам, кутежам и биржевым спекуляциям, заводам и пароходам? Всего этого совершенно недостаточно для того, чтобы сделать правомочными свои притязания и привилегии.

Вне проекта Модерн уродлив и криминален даже нормальный капиталистический класс. А уж наш российский мутант – тем более.

А значит, аналитика Модерна – это постижение судьбы капитала в XXI веке. Судьба капитала полностью предопределена судьбой проекта Модерн. А вопрос о судьбе капитала – это ключевой конкретный политический вопрос XXI века. Сохранение капитализмом легитимности лишает некапиталистические и антикапиталистические политические движения стратегических перспектив. Потеря капитализмом легитимности – открывает для таких движений именно конкретные стратегические политические перспективы. Другой вопрос, сумеют ли эти движения воспользоваться открывшимися перспективами.

Но разве для практической политики вопрос о самом наличии перспектив не является ключевым?

Конечно, кроме легитимности есть еще и «господство в собственном соку». Теряя легитимность, капитализм сохраняет подобное господство. И может попытаться осуществлять его на основе голой силы. То есть бесконечно жестокого, зверского и полужвериного доминирования.

Но, во-первых, подобные формы господства никогда не были устойчивыми. Об этом говорит нам весь исторический опыт человечества.

А во-вторых, какой-то шанс подобные формы господства имеют только в условиях конца истории. То есть ускоренного формирования не каких-то там призрачных мировых правительств, а внятной и абсолютно антидемократической Железной пяты.

Противоречия между Китаем и США, между США и Европой, между всеми этими гигантами и Индией не позволяют капитализму сформировать всемирную Железную пяту в короткий исторический срок.

Таким образом, вопрос о легитимности капитализма, тождественный вопросу о судьбе Модерна, имеет очень существенное политическое значение. Ибо это, повторяем, вопрос о наличии или отсутствии у оппонентов капитализма шансов на стратегическую победу.

Итак, сначала надо разобраться с судьбой проекта Модерн. То есть с проблемой, не имеющей никакой прописки в доме под названием «марксизм». Подчеркиваем – никакой. Ни концептуальной, ни понятийной, ни лингвистической. А потом уже нужно заняться аналитикой расстановки классовых сил в условиях делегитимации капитализма. Если, конечно, таковая действительно существует. То есть перейти на привычную для марксизма аналитическую и теоретическую платформу.

Так какова же судьба проекта Модерн?

Нельзя ответить на этот вопрос, не разобравшись хотя бы вкратце, что же такое этот самый проект.

Глава 14. Проект Модерн

Рассуждая о Модерне, и сам Вебер, который Модерн еще проектом не называл, и его последователи противопоставляли Модерн (или, иначе, современность) – Премодерну, который они называли традиционным (или аграрным) обществом.

Модернизация – это переход из традиционного (или аграрного) общества в общество современное (или индустриальное).

Маркс сказал бы, что это переход из феодальной формации в капиталистическую. Но в каком-то смысле традиционное общество – это более широкое понятие, нежели феодализм. Хотя и достаточно к нему близкое.

Но дело тут не в игре понятий. А в том, как раскрывают содержание слова «общество» (или социум) сам Вебер и его последователи. Все те, кто видит в обществе особую реальность, существенно автономную по отношению к суперреальности, каковой является тип искусственной материальной среды, внутри которой сформировано общество.

Если бы Вебер и его последователи говорили только об аграрном обществе, то они были бы совсем близки к Марксу и другим сторонникам теории формаций. Но они говорят о традиционном обществе. И это не игра словами. Традиционное общество – это общество с определенными регуляторами. Эти регуляторы для ученых, принадлежащих к интересующей нас школе, являются ничуть не менее важными, чем доминирующий способ производства (конечно же, аграрный в случае традиционного общества).

Для интересующего нас научного направления, важность которого определяется именно ситуацией (или, точнее, близостью катастрофы), тип общества связан, прежде всего, с регуляторами, превращающими элементы (то есть отдельных людей) в систему (то есть в полноценное общество).

Традиция – вот что регулировало общественную жизнь на этапе Премодерна. Потому-то общество Премодерна и называется традиционным.

Традиция как душа традиционного общества (вспомним пушкинское «привычка – душа держав») рождает коллективизм, общинность. И наоборот. Разрушение общины – это демонтаж традиционного общества.

Итак, традиция как главный регулятор. Коллективизм как способ существования. Что дальше? Конечно, сословный принцип как принцип разграничения ролевых функций. Фамильная аристократия как господствующий класс. Монарх как выразитель ее интересов. Религия как легитимация монархии (монарх – помазанник Божий).

И народ как целостность, цементируемая религией. Той самой религией, которая обеспечивает легитимацию монарха. Французскому монарху было важно получить помазание в Реймском соборе. Это давало ему настоящую легитимность. И в этом один из краеугольных сюжетных камней истории Жанны д'Арк.

Созревание буржуазии в лоне феодального (или традиционного) общества... Формирование буржуазии как класса преимущественно городского (в отличие от феодалов как крупных земельных собственников)...

Формирование буржуазии как хозяина индустриального сектора (в отличие от феодалов, являющихся хозяевами сектора аграрного)...

Все это сильнейшим образом воздействовало на общественную жизнь. Но ничуть не менее сильно на нее воздействовало и другое. На социально-метафизическую сцену по очереди вышли два новых действующих лица.

Сначала религиозные раскольники-протестанты. Они существенным образом проблематизировали легитимность тогдашней монархической власти. Французский монарх, помазанный католической церковью в Реймском соборе, был легитимен именно как король католиков. И он совершенно не был легитимен для протестантов, которые считали католическую церковь, осуществляющую помазание французского короля, церковью сатаны. Спасение от этого искали в особом типе абсолютизма. При котором легитимность религиозного помазания мягко трансформируется в нечто, определяемое формулой Людовика XIV «государство – это я».

Но такая трансформация не обеспечивает устойчивой легитимности. Кроме того, на сцене появляется еще одно новое действующее лицо – светский человек. А для него – что католический Рим, что Кальвин и Лютер... Одно слово – религиозные мракобесы...

Пока светских людей было мало, их сжигали на кострах инквизиции. Но потом их стало много. А потом – не просто много, а очень много. Ну, и как регулировать общество в условиях, когда так меняется человек?

Новая материальная среда, пропитанная духом науки и техники, и новый человек, впитавший вместе с этим духом и крамольную светскость... И новая материальная реальность, и новая реальность духовная, культурная, антропологическая – одинаково давят на социум. И требуют, чтобы возникли новые регуляторы, новые правила социальной игры. В противном случае социума не будет вообще. Ведь даже относительно устойчивая искусственная материальная среда все равно не воспроизводится сама собой как среда природная. А уж социальная среда – тем более.

Капитализм заявил: «Я создам новые правила, новые регуляторы и спасу общество от распада и смуты».

Это было очень важное заявление, поскольку население еще помнило ужас смут. Религиозных войн – и не только. Капитализм пришел – и легитимировал себя великими социальными преобразованиями.

Капитализм отменил сословный принцип.

Капитализм атомизировал традиционное общество, вбросив в городскую пролетарско-индустриальную жизнь огромное количество сельского населения.

Капитализм сформировал новую общность – нацию. Теперь уже не религия, а язык, гражданство, культура, этос регулировали принадлежность индивидуума к подобной общности.

Капитализм создал новый индустриальный мир.

Капитализм предоставил новые права огромной массе ранее бесправного населения.

Капитализм (и это, возможно, главное) сделал закон гиперрегулятором построенного им принципиально нового общества. Теперь уже все регулировала не традиция, не привычка, которая «душа держав», а писанный и строго исполняемый закон. Подкрепленный соответствующими юридическими институтами.

Капитализм построил новую политическую систему, назвав ее демократической.

Капитализм переустроил все подсистемы предыдущего традиционного общества. И тем самым капитализм сделал – что именно? Правильно. Он реализовал проект Модерн, легитимировав тем самым себя в виде класса не только господствующего, но и исторически лидирующего.

Помимо вышеназванных обычных слагаемых рассматриваемого проекта Модерн, у этого проекта есть еще и метафизика. Причем как религиозная, так и светская.

При всей важности религиозной метафизики Модерна, его содержание, конечно, определяется наличием светской метафизики. То есть наличием прогресса и гуманизма как сверхценностей.

Подчеркиваем – не как обычных ценностей, а именно как сверхценностей. Метафизика проекта Модерн существует только до тех пор, пока прогресс и гуманизм обладают именно сверхценностным содержанием.

Причем такое содержание должно носить всеобщий и одновременно абсолютный характер. То есть быть адресованным каждому народу, каждому представителю рода человеческого и человечеству в целом.

Что же касается религии, то Модерн лишь допускает ее, решительно отделяя церковь от государства. И – до предела рационализируя религию. То есть, подвергая ее весьма существенным трансформациям.

Баланс между разумом и верой в религиозном модернизме резко сдвигается в сторону приоритета разума. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

Глава 15. Исчерпание проектом Модерн своих возможностей

После того, как аналитика проекта Модерн произведена, прогностика фактически является делом техники.

Не составляет труда доказать, что исчерпание касается всех вышеописанных слагаемых проекта Модерн. Но прежде всего, бросается в глаза то, насколько Модерн исчерпал свой метафизический ценностный потенциал.

Ключевой и грубейшей приметой подобного исчерпания является абсолютизация категории «демократия». Современная западная практика основана на абсолютном приоритете формальной демократии над чем угодно еще.

Между тем еще совсем недавно Модерн явным образом не был синонимом демократии. Очевидным свидетельством этого являлся позитивный смысл, вкладываемый западными политиками и политическими философами в понятие «авторитарная модернизация».

Теперь США и Запад в целом объявили авторитарную модернизацию своим главным врагом. Фактической «осью зла». Можно ли так поменять курс, не расплевавшись с метафизикой Модерна – то есть с прогрессом и гуманизмом? Конечно, нет.

Формальная демократия?

Если в какой-нибудь архаической стране есть два клана каннибалов... Один из которых считает, что лакомиться надо и женщинами, и мужчинами... А другой – что только женщинами...

Если эти два клана создают две партии. Проводят демократические выборы. Формируют парламент. Вырабатывают каннибальский консенсус. «Мы, мол, согласны в главном: что человечина – это нормальный пищевой продукт. Но у нас дискуссия по частным вопросам...»

Если соблюдены все процедуры проведения дискуссий, и правильно разделены ветви каннибальской власти – то формальная демократия налицо, не так ли? Но причем тут Модерн?

Приведенный пример может показаться чересчур экзотическим. Хотя на самом деле это отнюдь не так. И скоро при проведении в Центральной Африке той политики, которую Запад сейчас проводит в Северной Африке, все будет происходить буквально так, как описано в этом примере.

Но поддержка Соединенными Штатами и Западом в целом «Братьев-мусульман», движения «Галибан», других движений, вдруг ставших «демократическими», – это уже совсем не экзотика. Демократия у нас на глазах превращается из содержания в форму. Причем в форму не только безразличную к своему содержанию, но и агрессивно ему противостоящую. Что категорически ставит крест на прогрессе и гуманизме как сверхценностях Модерна. Да и на этом проекте в целом.

Но дело вовсе не только в политическом отказе Запада, этого локомотива Модерна, от сверхценностей Модерна и от этого проекта как такового. Налицо еще более глубокий отказ.

Экологическая проблематика, поставленная в повестку дня еще Римским клубом, тоже далеко не случайна. Ибо Модерн зиждется на праве – пусть формальном, но жестком – каждой страны мира на этот самый прогресс. А также на гуманизм. Даже в колониальный период такое право существовало. И это позволяло Киплингу, как певцу британского колониализма, рассуждать о «бремени белых». То есть о том, что западный локомотив, именуемый «белым», тянет за собой в сторону прогресса и гуманизма поезд с множеством вагонов. Как «белых», так и не «белых».

Философия и аналитика Римского клуба основаны на правомочности и даже необходимости открепления всех вагонов поезда от локомотива, ранее тянувшего эти вагоны в определенном направлении.

Ускоренное развитие всего человечества – пока утопия. Но ускоренное развитие огромных азиатских стран (таких, как Индия и Китай) – это уже реальность. Локомотив не может тянуть за собой такие вагоны. Он не может предоставить двум с лишним миллиардам пассажиров этих вагонов те же материальные блага, которые предоставлены команде локомотива.

Во-первых, для этого на планете нет необходимых ресурсов.

А во-вторых, это очень быстро превратит пассажиров в хозяев поезда. Для команды локомотива такая метаморфоза категорически неприемлема.

Рассмотрев политическую и политэкономическую подоплеку отказа Запада от сверхценностей Модерна (а значит, и от проекта как такового), необходимо перейти к еще одной подоплеке – антропологической.

Проект Модерн проникнут волей к развитию. Но к развитию определенному. Тому самому, которое именуется прогрессом.

Этот тип развития предполагает, что используемый для развития антропологический материал (то бишь, вид «человек разумный») остается без изменения.

Он предполагает, что советский проект создания нового человека (а значит, и нового гуманизма) утопичен и контрпродуктивен одновременно.

Он предполагает, что надо не искоренять в человеке зло, а использовать это зло во благо.

Он предполагает, что правильно организованное зло будет способствовать этому благу так же, как звериная конкуренция за выживание способствует великому делу эволюции.

Проекту Модерн удалось «правильно организовать» антропологическое зло. В этом его огромное достижение. Правильно организованное зло стало генератором развития. Причем такого развития, которое, прежде всего и быстрее всего, касается производительных сил. Или иначе – искусственно созданной материальной среды.

Человек же стал обуславливаться этой средой все в большей и большей степени. Что означает в лучшем случае его крайне медленное развитие. А на самом деле чревато стагнацией, а то и деградацией человека.

В результате возник колоссальный разрыв между качествами искусственной среды обитания и тем, кто в этой искусственной среде обитает. Обитатель почти не развивается (или даже деградирует). А среда развивается стремительно. Подобный разрыв именуется «ножницами».

«Ножницы» с каждым годом раскрываются все шире и шире. Когда они раскроются до определенной степени, катастрофа неизбежна. Каким-то образом (неважно, собственно, каким именно) неразвивающийся элемент, он же антропос, извлекает из развивающейся среды (она же технос) нечто, позволяющее уничтожить и технос, и антропос.

Воспрепятствовать этому может или ускорение развития антропоса, или прекращение развития техноса. Но Модерн не предполагает ускорения развития антропоса. У него нет ключей к этой двери. Одновременно Модерн не может остановить (тем более свернуть) технос. Тем самым этот проект фактически капитулирует. Он признает, что не в состоянии избежать приближающейся катастрофы по очень многим причинам. Как общим, так и частным. Как материальным, так и нематериальным.

К числу фундаментальных нематериальных причин относится исчерпание заявленного Модерном метафизического принципа утешения. Человек – это единственное живое существо, знающее о своей смертности и тяготящееся этим знанием. Соответственно, это существо жаждет утешения. То есть каких-то версий собственного бессмертия. Основной версией утешения, которая известна человечеству, является религия.

С того момента, как эта версия перестает работать (а она перестает работать, как только человек становится нерелигиозным), нужна другая версия утешения. Модерн фактически заявил о том, что он способен обеспечить психическое и социальное здоровье мира, в котором нет утешения. Попытки той же Великой французской революции предложить в рамках данного проекта альтернативные версии утешения (Богиня разума, Верховное существо Робеспьера) оказались пресечены.

Безутешительность Модерна была высокоэффективной на протяжении всего XIX века. Но уже к началу XX века модернистский (прогрессистский, гуманистический) пафос безутешительности выдохся. Безутешительные проекты вообще быстро выдыхаются. А когда безутешительный пафос проекта Модерн («на земле остаются наши дела») выдохся, проект стал сбойть.

К началу XXI века стало ясно, что речь идет не об отдельных сбоях, а о неисправимых поломках самого проектного механизма.

Таково вкратце метафизическое исчерпание проекта Модерн.

Описав его, перейдем к исчерпанию социальному.

В социальном плане Модерн держится на принципе раздробления традиционного общества. Дробя это традиционное коллективистское общество на атомы-индивидуумы, этот проект обретает высокую социальную динамику. Фактически речь идет о том, что традиционное общество бросается в топку локомотива под названием «проект Модерн». До тех пор пока есть традиционное общество – топка раскалена. В нее можно бросать все новые и новые порции этого общества. Но когда ресурс традиционного общества обнуляется – топка остывает. А локомотив перестает двигаться.

Это хорошо видно на примере Запада и стран Азии, ставших на путь реализации проекта Модерн. В Азии – Индии, Китае, Вьетнаме – огромная часть населения все еще пребывает в состоянии Премодерна, то есть является почти неограниченным ресурсом для этой самой топки. Но ведь именно почти неограниченным. Раньше или позже ресурс для топки Модерна будет выработан полностью и в Азии, и во всем мире. Что делать дальше?

Те, кого не интересует подобная проблема будущего, могут повнимательнее присмотреться к настоящему. На Западе ресурс традиционного общества сведен к нулю. В топку Модерна бросать нечего. Разве что нелегальных мигрантов. В России ситуация та же самая. Что делает рассуждения о нашей модернизации особо трагикомическими. Разговора же о Модерне у нас вообще категорически избегают.

Соответственно, преимущество получают страны, где ресурс традиционного общества еще не выработан, но уже используется для топки проекта Модерн. Такое социальное преимущество сразу же переходит в преимущество политэкономическое.

И тут обнаруживается, что Модерн исчерпал себя не только политически, метафизически и социально, но и политэкономически.

После краха СССР и возвращения мира в как бы гомогенный капитализм, в мир вместе с гомогенностью капитализма вернулся и закон неравномерности развития этого самого капитализма на его высшей – империалистической – стадии.

Старые капиталистические страны развиваются все медленнее. Молодые начинают их догонять. Старые пытаются сохранить лидирующие позиции с помощью войны. Классический тип такой войны – Первая мировая.

В этом смысле Третья мировая должна быть похожа на Первую, а не на Вторую. Ибо Вторая развернулась в мире, лишенном капиталистической гомогенности, и потому являлась войной идей и проектов, а не войной экономических интересов.

Освободившись от войн идей и проектов – как горячих, так и холодных, – мир вернулся к войнам экономических интересов. США должны остановить Китай, дабы сохранить лидирующие позиции. Отказаться от лидирующих позиций США не могут и не хотят.

Есть два способа остановить Китай. Мягкий, в котором удастся выстроить контрбаланс и подорвать внутреннюю стабильность Китая. И жесткий. Вряд ли мягкий сработает. Но тогда будет использован жесткий. И мир очень быстро втянется в ядерную войну.

Институциональное исчерпание Модерна – тоже достаточно очевидно. Этот проект использует институт права в качестве своего гиперрегулятора. Что происходит в мире с международным правом? И что начинает происходить с правом, опирающимся на принцип национального суверенитета?

Далее исчерпание Модерна перекидывается на этот самый суверенитет. А значит, и на институт государства. Все говорят о кризисе национального государства. Но национальное государство – это одно из ключевых изобретений проекта Модерн. Соответственно, кризис права, нации и государства ведет к окончательному исчерпанию макросоциальных оснований этого проекта.

Но столь же правомочно обсуждение микросоциального исчерпания. Человек Модерна, семья Модерна, коммуникативные поля Модерна, культура Модерна – все это близко к окончательному исчерпанию.

Даже если проект Модерн и сохранится в Азии – толку-то? Сохранившись лишь в одном макрорегионе, он потеряет свойства универсального, всечеловеческого проекта. И, как уже указывалось выше, Модерн в Азии всего лишь будет исчерпан чуть позже, чем в Европе. Поэтому ключевым на сегодняшний день является вопрос о том, что находится по ту сторону Модерна. Тем более что дышащий на ладан проект Модерн еще и подталкивается к окончательному обрушению своим создателем Западом. Знаменитая «Арабская весна» ясно и ярко свидетельствует об этом. И это всего лишь одно из свидетельств.

Видя, как Модерн исчерпывает себя, Запад лихорадочно пытается убить собственное дитя. Этим он лишает капитализм всяческой легитимности. Но может быть, Запад (да и капитализм в целом) делают это во имя обретения новой легитимности? Может быть, у Запада (да и капитализма в целом) есть в заглавнике какие-то альтернативы по части легитимности?

Обсуждая судьбу капитализма и содержание эпохи, мы не можем обойти стороной столь важный и столь острый вопрос.

Глава 16. Проект Модерн и другие

Модель конфликта цивилизаций, вытщенная американскими неоконсерваторами в 2001 году в качестве альтернативы концу истории, потерпела крах вместе с избранием Барака Обамы. Фактически она потерпела крах еще раньше. Когда сами же неоконсерваторы стали обсуждать проект нового Большого Ближнего Востока и прочно вмонтированные в этот проект «вёсны» – как арабские, так и иные.

На смену этой модели пришла, причем всерьез и надолго, модель стратегического союза исламизма и США, исламизма и Запада. Эта модель уже материализована в конкретных альянсах: Запада и «Братьев-мусульман», Запада и талибов.

Исламизм, который американские неоконсерваторы объявили главным врагом, теперь становится чуть ли не лучшим другом США. Якобы потому, что он отвечает волеизъявлению народов исламского мира.

Такое лукавое объяснение никого, конечно же, не удовлетворяет и не может удовлетворить. Но здесь нам важно не детальное рассмотрение заявленного сюжета, а выявление стратегического содержания, маркируемого этим сюжетом.

Для того чтобы это содержание выявить, надо понять, чем исламизм отличается от ислама – великой мировой религии, заслуживающей всяческого уважения.

Исламизм – это достаточно позднее изобретение. В этом смысле он принципиально отличается от фундаментализма. Притом, что и фундаментализм является на самом деле в существенной степени исламским новоделом, а не исламской архаикой.

Архаика, а точнее невзятие барьера современности – это Премодерн. Можно ли говорить об исламском Премодерне, пусть и с определенными оговорками? Конечно, можно. Часть исламского мира по разным причинам как объективного, так и волевого характера стережется Модерна и блюдет свою премодернистскую чистоту. Но это малая и не очень хорошо очерченная часть.

Гораздо шире распространено другое. Сознательный отказ элит мусульманских стран от проекта Модерн, который уже стал обживать эти страны. Подобный отказ носит характер пресловутой «консервативной революции». Сторонники такого отказа не чураются использования модернистских и даже постмодернистских политических технологий. Соединение таких технологий с отказом от Модерна и стремлением вернуть реальность к премодернистскому состоянию (конечно же, в подобной ситуации неорганичному) – это Контрмодерн.

Контрмодерн – такой же проработанный проект, как и Модерн. Можно смело утверждать, что Контрмодерн с глубоким внутренним удовлетворением следит за исчерпанием проекта Модерн и содействует этому исчерпанию.

И в этом смысл стратегического, а не ситуационного альянса исламизма с Западом. Потому что Запад разрабатывает для себя новый проект под названием «Постмодерн». То есть приспосабливается к очень специфической жизни на обломках рухнувшего Модерна.

Эта «жизнь после жизни» основана на глубочайшем презрении к сверхценностям Модерна, каковыми являются прогресс и гуманизм. Особо враждебен для постмодернизма гуманизм, воспевающий величие человека.

Постмодернизм, во-первых, ненавидит любое величие вообще. И, во-вторых, особо ненавидит человека. Для него человек – это «проект, который завершается».

Постмодернизм надеется поставить на место слишком для него жесткой конструкции под названием «человек» нечто предельно аморфное и текучее. То, что с полным правом можно назвать постчеловеком и постчеловечеством.

Постмодернизм презирает и ненавидит историю.

С особой силой постмодернизм ненавидит развитие. Идеалом постмодернизма (притом, что постмодернизм категорически отказывается от

идеальности как таковой) можно считать управляемую деградацию, управляемое гниение.

Культура постмодернизма (а ведь именно культура формирует тип человека) пропитана духом смерти. Постмодернизм не скрывает это. Он открыто присягает Танатосу. А также духу всех и всяческих извращений.

Подробное описание постмодернизма как проекта (притом, что постмодернизм отрицает наряду с человеком и идеальностью любую проектность, любую подлинность, любую метафизичность) здесь явным образом неуместно.

Но аналитика капитала не может быть полноценной без выявления двух альтернатив проекту Модерн – проекта Контрмодерн и проекта Постмодерн. А также связи между этими двумя альтернативными Модерну проектами.

Тут уместно указать на два типа связей.

Во-первых, на связь, создаваемую для ведения общей игры двумя очень разными игроками. Тут весьма показателен формирующийся союз США и исламизма. Ибо этот союз формируется для ведения общей игры.

И, во-вторых, на связь, создаваемую для построения новой архитектуры мира. Пусть неокончательной архитектуры. Пусть всего лишь переходной архитектуры. Но все же архитектуры.

Какова же эта архитектура?

В 50–60-е годы XX века китайский лидер Мао Цзедун выдвинул далеко не бессмысленную модель. Ядром которой был «мировой город». А периферией – «мировая деревня».

В сооружаемой сейчас наспех переходной архитектуре Постмодерн хочет стать архитектурным ядром. То есть чем-то вроде мирового города. Контрмодерн же претендует на роль мировой деревни. Разделение ролей и сфер влияния, конечно же, носит не окончательный характер. Но сам принцип этого разделения способен решить массу задач, которые в рамках Модерна категорически не могут быть решены.

Например, можно отказаться от всеобщего развития. А в каком-то смысле и от развития вообще. Контрмодерну развитие враждебно. «И это замечательно!» – считает его постмодернистский партнер. Ведь в этом случае не надо будет развивать всю периферию, делиться с нею драгоценными ресурсами, волноваться по поводу того, что эта периферия может стать более эффективной, чем ядро. И даже должна стать более эффективной.

Да и Постмодерн никоим образом не претендует на развитие как сверхценность. Если в мировом городе что-то и останется от развития, то это что-то будет всецело подчинено задаче удержания под контролем контрмодернистской периферии.

Итак, проект Модерн близок к исчерпанию. Он вдобавок стал не нужен правящему классу. И его хотят добить как можно быстрее. У него есть альтернатива в виде союза Постмодерна и Контрмодерна.

Можно ли считать, что игра уже сыграна, и что вмешательство в игру фактически невозможно?

Нет. Поскольку, во-первых, силы Модерна хоть и близки к исчерпанию, но еще достаточно велики. И, во-вторых, этому зловещему переформатированию мира мешает существование России.

Часть 2. Россия и современность

Глава 1. Лишние люди

К чему на самом деле стремится «Трест «Даешь капитализм!», разрушивший двадцать лет назад СССР и сформировавший новую реальность?

Осознает ли этот Трест всю меру патологичности построенного им капитализма?

Готов ли он исправлять эту патологию, купируя хотя бы самые чудовищные процессы? Например, затянувшуюся оргию первоначального накопления капитала. То есть такого ограбления своего народа, при котором народ уже не может нести на своих плечах груз российской государственности.

Или же Трест сознательно наращивает эту патологичность, преследуя зловещие ликвидационные цели?

А может быть, наращивание патологичности происходит само собой? В силу того, что Трест потерял управление, изжил окончательно за эти двадцать лет свои амбиции по построению в России нормального капитализма и полноценному вхождению страны в европейскую (или, как говорилось раньше, мировую) цивилизацию?

Не желая дополнительно сгущать и без того весьма прискорбные краски, рассмотрим предположение, что Трест (или наименее деструктивная часть его) все еще питает иллюзии по поводу превращения России в так

называемую «нормальную капиталистическую страну, способную и в НАТО войти, и в ЕС»... И так далее.

Мы не утверждаем, что имеет место именно этот случай. Мы рассматриваем его в качестве наиболее благоприятного. Так вот, даже в этом случае – налицо тупик. Как тактический, так и стратегический. Тактический тупик порожден суммой нерешаемых или почти нерешаемых проблем, обнаруживаемых с помощью классического марксистского анализа.

Проблема №1.Выход из оргии первоначального накопления капитала.

Вглядываясь в происходящее предельно вдумчиво и благожелательно, отрицая пропагандистский подход и опираясь только на аналитические данные, мы с прискорбием вынуждены констатировать отсутствие каких-либо, даже мельчайших телодвижений, говорящих о том, что «Трест ДК» действительно намерен решить хотя бы эту проблему.

Да, с прискорбием. Потому что превращение нашего капитализма в нечто нормальное (то есть совместимое с жизнью страны) спасло бы Россию. А для нас Россия дороже, чем наши идеи и проекты.

Проблема №2, столь же принадлежащая сфере марксистской классики, как и проблема №1, – так называемое разделение труда.

Мировой рынок фантастически зарегулирован. Россия не сверхдержава, не СССР. Она по определению должна не диктовать правила, а выполнять их. Существующие правила – а они будут только ужесточаться – предписывают России очевиднейшую роль сырьевого придатка. А как иначе?

Россия не может вывести на мировой рынок гигантское количество дешевой и дисциплинированной рабочей силы. Это могут сделать Китай, Индия, другие азиатские страны.

Россия не может стать одной из ключевых аграрных держав мира. Она может и должна снабжать себя продовольствием. Она может и должна продавать зерно и другие сельхозтовары, поелику это возможно. Но она не может быть стратегическим конкурентом специализирующихся на аграрном производстве стран первого мира, превративших сельскохозяйственное производство в производство высокотехнологическое. И – дотирующих его в огромных масштабах.

Не может она стать стратегическим конкурентом и ключевых сельскохозяйственных стран третьего мира. В которых существуют огромные армии очень дешевых и очень трудоспособных работников. И в которых можно снимать не один, а три урожая в год.

«Трест ДК» разрушил систему российской индустрии. Он угробил за эти двадцать лет не только нужных этой индустрии ученых и инженеров, но и рабочий класс. Созданный в Советском Союзе с огромным трудом и лишенный сейчас даже возможностей элементарного самовоспроизводства.

Постиндустриальные сценарии?

В условиях, когда ученые и инженеры получают меньше низкоквалифицированного рабочего? В условиях фантастического недофинансирования всей российской интеллосферы? Эта сфера разгромлена «Трестом ДК» еще более беспощадно, чем сфера индустрии. А также аграрная сфера, потерявшая за счет проекта «Треста ДК» 30 миллионов гектаров посевных площадей. Больше, чем в Великую Отечественную войну.

Итак, остается только роль сырьевого придатка. Постыдная и бесперспективная даже в условиях высоких цен на сырье. А если цены начнут падать? А ведь это более чем вероятно.

Но даже в условиях высоких цен на сырье – на что обрекает Россию данный сырьевой, периферийный сценарий?

Признаем очевидное: производство сырья на экспорт требует не более 10 миллионов человек. Еще 20–30 миллионам будет отведена «почетная» роль разнообразного сервиса. Как административного и финансового, так и другого. А как же остальные? Ведь в России живет не 40, а 140 миллионов человек.

Экономисты высочайшей квалификации издают одно исследование за другим. И в один голос говорят о том, что сырьевой, периферийный сценарий, который мы сейчас рассматриваем, предписывает оставшимся 100 миллионам роль так называемых «лишних людей».

Возможно, этих людей будут подкармливать при высоких доходах от экспорта сырья. А возможно – и нет. В последнем случае от них будут освобождаться как мягкими, так и иными способами. Их будут спаивать, накачивать наркотиками, ввергать в полужвериное состояние, проворачивать через мясорубки так называемых локальных конфликтов. И так далее.

Лишними в этом случае станут не только простые люди, но и так называемая интеллигенция. Она окажется не нужна в таком количестве даже для обслуживания периферийного капитализма. А иная роль для нее в этом сценарии не предусмотрена.

Но и проблема №1, и проблема №2, и другие проблемы сходного типа, прекрасно выявляемые классическим марксистским анализом, не являются самыми существенными, коль скоро и впрямь «Трест ДК» хочет и может

привести наш патологический псевдокапитализм в сколь-нибудь удобоваримое состояние.

В этом случае стратегическая проблема, суперпроблема – легитимация.

Пусть даже «Трест ДК» занят не ликвидацией России, не ее пожиранием и расчленением, а чем-то менее зловещим.

Пусть даже этот Трест предполагает какое-то сколь угодно скромное «онормализование» отечественного капитализма. Чем и как Трест намерен легитимировать свое бесконечно уродливое дитя? Вряд ли Трест предполагает какие-то сверхоригинальные способы подобной легитимации. Ведь он планирует не только построить капитализм, но и вписать Россию в так называемое мировое сообщество. Пусть даже и в качестве периферии оно.

Так вот, и периферия мирового сообщества, и его ядро всегда используют один и только один способ легитимации капитала – проект Модерн. А значит, «Трест ДК» должен насаждать в России именно этот проект, не так ли?

Крайне робкие и крайне неуклюжие телодвижения нашего Треста, вдруг заговорившего о какой-то модернизации, не имеют ничего общего с реализацией в России сколь-нибудь полноценного проекта Модерн.

Во-первых, никто, нигде и никогда не реализовывал проект Модерн теми методами, которые рекомендуют идеологи нашей модернизации.

Во-вторых, проект Модерн близок к исчерпанию сам по себе.

В-третьих, в России, в отличие от могучих азиатских стран, нет традиционного общества, которое можно бросить в топку Модерна.

А в-четвертых... И вот тут мы переходим к самому главному.

Глава 2. Проект Модерн – и историческая Россия

Политический процесс не приобретет искомого характера, если мы не скажем правду самим себе и другим. В том числе и тем, кто является нашими самыми непримиримыми противниками. Мы должны сказать ухмыляющимся десталинизаторам, десоветизаторам, антиимперцам и русофобам:

«Да, вы правы! Историческая Россия не совместима с Модерном.

Да, для того чтобы преодолеть эту фундаментальную несовместимость, нужно отказаться от всего: от русскости, от имперскости, от советскости. При этом нужно отказаться от всего сразу. Потому что и русскость, и имперскость, и советскость – это звенья одной цепи».

Признав эту правду – а это-то и боятся делать многие искренние российские патриоты – нужно сделать следующий шаг. И ответить себе на вопрос, почему Россия немодернизируема. И почему она веками сопротивлялась модернизации – ей и только ей.

Ведь в итоге на модернизацию согласилась даже глубокая Азия, гораздо более далекая от западного центра модернизации, нежели Россия. Чья культура, конечно же, являясь христианской, является одновременно и западной.

Так почему же Россия немодернизируема? В отличие не только от Европы и США, но и от Китая и Индии?

Потому что у Европы и США есть органичная для них и разработанная до деталей парадигма развития – проект Модерн.

Европа и США поставили в мировой историософской игре именно на эту карту. Они невероятно много выиграли. И заплатили за этот выигрыш весьма высокую цену.

Европа и США выиграли потому, что в течение пяти последних веков (начиная примерно с 1500 года нашей эры и вплоть до конца XX века) Модерн был той парадигмой, в рамках которой развитие осуществлялось наиболее мощно и системно. Европа и США и развивались потому быстрее других и сумели лучше других легитимировать капитализм. Ибо только проект Модерн, как много раз уже говорилось, позволяет осуществить такую легитимацию.

Азия, в отличие от Европы и США, не обладает фундаментальным ноу-хау в вопросе о развитии. В этом вопросе Азия не претендует на свою собственную парадигмальность. В других вопросах у Азии есть такие претензии. Причем и глубокие, и убедительные. В вопросе же о парадигме развития Азия таких претензий лишена полностью.

Поэтому она относительно легко заимствует Модерн как чужую парадигмальность. Она приспособливает проект Модерн к своей культуре, своему миропониманию. Приспособливает – но не впускает внутрь себя. Приспособливает – и добивается огромных успехов. Вначале тактических – в виде повышения качества жизни, роста экономической (а значит, и любой другой) мощи. Но это лишь первый шаг.

Наращивая свои успехи, Азия, конечно же, стремится вывести из игры векового западного конкурента. Сделав это, Азия будет по инерции развиваться до тех пор, пока в топку Модерна можно будет бросать остатки ее традиционного общества. А потом она застынет. Развитие прекратится. Лишенное его человечество в каком-то смысле перестанет быть человечеством. Этот сценарий был бы единственным, если бы не Россия.

Ведь даже если Запад осмелится бросить вызов Азии и уничтожить ее до такой степени, чтобы она не могла соединить свои восточные возможности с западной парадигмой модернизации, это ничего, по сути, не изменит.

Осуществить что-то подобное можно только с помощью массивированной ядерной войны. Но предположим, что это удалось осуществить. Что дальше?

Запад не может длить Модерн по очень многим причинам. В отличие от Китая и Индии, он не может бросать в топку Модерна свое традиционное общество. Потому что это общество Запад уже давно использовал с подобной целью. И теперь ему бросать в топку нечего.

Итак, заимствование Азией западной парадигмы Модерна...

Огромные успехи Азии, достигнутые за счет такого заимствования...

Крах Запада как конкурента Азии...

Инерционное движение Азии в рамках позаимствованного ею западного проекта Модерна...

И – остановка развития.

Повторяем, это было бы единственным сценарием, если бы не Россия. И это станет единственным сценарием, если Россия будет уничтожена.

Но почему Россия вообще, а в ее нынешнем состоянии тем более, может воспрепятствовать рассмотренному нами губительному сценарию? Или сценариям, если в качестве второго сценария рассматривать беспощадное уничтожение Азии Западом?

Потому что у России, в отличие от Азии, есть своя парадигма развития, качественно отличная от той парадигмы, которая именуется Модерн.

Дело не в том, что у России есть особый путь. О котором так любят говорить наши почвенники, избегая особых уточнений в вопросе о том, что стоит за словом «особый».

Дело в том, что Россия являлась и является – даже в ее нынешнем, крайне прискорбном состоянии – монопольным обладателем такого нематериального актива, как альтернативная Модерну парадигма развития.

Россия веками не хотела интегрироваться в Модерн. Но она веками же развивалась. Из этого логически проистекает не ее инаковость вообще, а ее способность сформулировать, а главное – реализовать немодернистский способ развития. Не отказаться от развития, подобно премодернистской Азии. Не копировать развитие, подобно Азии, расплевавшейся с премодернизмом. А развиваться иначе. Причем фундаментально иначе.

До тех пор, пока Запад мог демонстрировать фантастические успехи Модерна, побуждая Азию копировать этот проект, наш способ развития был своего рода пятиколесным велосипедом. И можно было нас спросить: «Изобрести-то вам подобное чудище удалось... Только вот зачем?»

Порою наш «пятиколесный велосипед» оказывался очень эффективным средством передвижения. Это, безусловно, было так в советский период. Но и в досоветский удавалось, оставаясь в рамках своей парадигмы развития, достигнуть достаточно впечатляющих результатов.

Россия срослась со своей парадигмой развития не в меньшей степени, чем Запад со своим Модерном. Отодрать Россию от своей парадигмы можно, только сменив ее культурное ядро, демонтировав ее культурную матрицу. То есть, полностью изгнав из России русский дух, фундаментальную русскость.

Но если бы проект Модерн был окончательным историософским триумфатором, а наша парадигма развития окончательным же образом потеряла бы всю и всяческую эффективность, то Россия оказалась бы перед трагической дилеммой: отказываться от развития, обрекая себя на уничтожение, – или расплевываться со всем, что казалось ценным и важным.

Но нет и в помине никакого историософского триумфа Модерна. Этот проект агонизирует. Спасать его можно отчасти только для того, чтобы продлить эту агонию и успеть привести человечество на иные рельсы истории. Альтернатива – отказ от истории вообще, грозящий чудовищными последствиями.

Если Модерн агонизирует, то ноу-хау России в том, что касается развития, является бесценным для каждого, кому дорого человечество. И кто не хочет, чтобы оно бесславно закончило свой путь, согласившись на неразвитие. Хоть в азиатском его варианте, хоть в западном.

Да, Россию соблазнили на отказ от собственного ноу-хау развития, внушив ей, что это никому не нужный «пятиколесный велосипед».

Да, оказавшись в ловушке этого соблазна, Россия обрекла себя на саморазрушение. Но ее отказ не является окончательным и бесповоротным. Она еще не разрушила себя до конца.

Ей всего лишь нужно опять начать двигаться вперед, используя изобретенное ею средство передвижения.

Нужно научиться опять использовать это средство.

Нужно научиться любить это средство, понимать, сколь оно важно с точки зрения исторической судьбы человечества.

Нужно научиться вновь любить и уважать себя как создателя подобного средства.

Отрекшись от отречения, Россия спасет себя и мир. Она спасет человечество как сущность, неотделимую от развития.

Упорствуя в отречении, заявленном двадцатилетием ранее, Россия окончательно погубит себя. Она окажется не только страной, в которой 100 миллионов граждан являются лишними людьми. Она окажется фундаментально лишней страной. Страной, которой нет места в новой миропроектной конфигурации. Той конфигурации, которая неминуемо возникнет, если России не отречется от отречения.

Глава 3. Новая конфигурация – и Россия

Азия не хочет отказываться от проекта Модерн. Она понимает, что использование этого чуждого ей, но очень удобного для нее средства передвижения породит всемирно-историческую победу Азии. После которой можно будет и отказаться от чуждого средства передвижения.

Запад вообще и США прежде всего – не могут согласиться на что-либо подобное. Запад понимает, что избежать азиатского триумфа можно двумя способами.

Простой способ предполагает буквальное уничтожение Азии. Коль скоро Запад решится на это, ему придется не только разрушить производительные силы крупнейших восходящих государств Азии. Ему придется еще и истребить огромную часть населения таких государств.

Нельзя сказать, что Запад к этому не готов. Запад готов любыми средствами бороться против триумфа Азии. И все же простой способ сопряжен с серьезнейшими издержками.

Запад понимает, что уничтожить Азию, не уничтожив самого себя, очень трудно. И потому делает ставку на сложный способ избегания азиатского триумфа. Приберегая простой способ на крайний случай.

Каков же этот сложный способ?

Сложный способ предполагает изменение миропроектной конфигурации.

Проект Модерн перестает быть магистральным для человечества. В игру вводится, прежде всего, проект Контрмодерн. Для начала запускается его так называемая исламистская версия (еще раз настоятельно просим не путать ее с исламом). Одновременно в игру вводится и проект Постмодерн.

Сутью Контрмодерна является сознательный отказ от развития вообще. Даже от функционального технического развития. Идеалом объявляется Новое Средневековье. Возвращение к Премодерну? Никоим образом.

В Премодерне существовало все то, что здесь должно быть отменено. Все то, что позволило создать Модерн. Прежде всего, своя (небуржуазная, но очень накаленная) воля к прогрессу и гуманизму. Эта воля взращивалась премодернистским Западом в лоне определенных и определенным образом эволюционирующих религиозных идей. Именно логика подобной эволюции и привела к светской метафизике Модерна. Метафизике прогресса и гуманизма.

Контрмодерн все это отрицает. Он изымает из Средневековья его потенциал развития и человеколюбия. Утвердить нечто подобное можно только одним способом – побудив определенные сообщества к регрессу.

Советская «перестройка», а также начавшаяся сейчас российская «перестройка-2» – это и есть такие побуждения к регрессу. Хотел ли «Трест ДК» строить в России капитализм или же он имел гораздо более далеко идущие мрачные планы... В любом случае то, что «Трест ДК» совершил, породило регресс и не могло не породить его.

Изменение миропроектной конфигурации предполагает осуществление подобной же побудительной регрессивности в гораздо большем объеме. Недаром президент США Барак Обама назвал «Арабскую весну» (то есть побуждение исламского мира к регрессу и архаизации) вторым падением Берлинской стены. Первое падение Берлинской стены знаменовало собой регресс на территории Северной Евразии. Второе падение Берлинской стены знаменует собой регресс на территории огромного, сопряженного с нами региона, где протекают опаснейшие процессы.

Потом «берлинские стены» начнут падать одна за другой. Открывая тем или иным регионам дорогу в регресс.

Этот регресс не обязательно должен иметь исламистский характер. Но именно исламизм обладает влиянием на огромные массы и носит достаточно накаленно-регрессивный характер. Поэтому ему отведена роль своеобразного локомотива регресса, локомотива архаизации со всеми вытекающими отсюда последствиями для России.

Продолжение процессов регресса и архаизации на нашей территории – плюс стратегическое партнерство США и исламизма на ниве нового контрмодернистского Средневековья... Неужели непонятно, что одно это не оставляет для России вообще никаких шансов? Россия не может быть конкурентом исламизму во всем, что касается контрмодернистских действий. Она теряет себя как носителя спасительной парадигмы развития. Она уже оказалась нежизнеспособной в Модерне. Еще быстрее обнаружится ее нежизнеспособность в Контрмодерне. Нежизнеспособность – да и ненужность.

Образуются ли в этом случае на месте России исламистский халифат или мозаика архаизированных государств... Будет ли исламистский контрмодернистский халифат воевать с Китаем, или модернистский Китай начнет выхватывать нужные ему кусочки архаизированной мозаики... Так ли это важно, если в любом случае Россия перестанет существовать?

Но России нет места и в Постмодерне. Это чужой и чуждый проект. Разрешение на присоединение к которому находится в чужих и чуждых руках. Это проект, конкурирующий с Контрмодерном по степени мерзостности. Причем мерзостности, никак не совместимой с тем, что составляет суть России как исторической личности.

И наконец, это проект, совершенно несовместимый с территориальной целостностью России.

Модерн в России? Но этот проект, как мы убедились, близок к исчерпанию. Кроме того, у России нет возможности использовать для модернизации ресурс под названием «традиционное общество». Нет у России, в отличие от Азии, этого ресурса. А на нет и суда нет.

И наконец, Россия гораздо сильнее, чем Азия, сопротивляется классическому Модерну как чему-то чуждому и опасному. Она сопротивляется ему каждой клеточкой своего историко-культурного тела.

Россия понимает, если не умом, то сердцем, сколь важна для нее и для мира парадигма развития, резко отличающаяся от той, которую предлагает Модерн. Навязать ей этот проект можно, только осуществив неслыханное насилие – духовное, культурное, политическое. Раньше, чем это насилие породит российский Модерн, оно убьет Россию. А вместе с ней и хранимую Россией парадигму развития, бесконечно важную именно сейчас, в эпоху заката Модерна.

Итак, проект Модерн уничтожает Россию.

Но и новая миропроектная конфигурация, предлагаемая капиталом, неспособным далее предъявлять Модерн в качестве источника своей легитимности, тоже уничтожает Россию.

В чем же выход?

В том, чтобы Россия в полной мере осознала себя в качестве единственного носителя парадигмы развития, которая качественно отличается от парадигмы, предлагаемой Модерном. Парадигмы, которой исчерпание Модерна придает особое всемирно-историческое значение. Что же это за парадигма?

Глава 4. Альтернативный Запад

Что препятствует четкому рельефному осознанию природы и содержания того трагического парадигмального дара, которым историческая судьба наделила Россию?

Дара, от которого она отреклась двадцать лет назад. Дара, который сейчас имеет неслыханное значение для человечества.

Осознанию природы и содержанию этого дара мешает затянувшийся конфликт западников и почвенников. Конфликт историософский и политический. Конфликт, тянущийся через столетия. Конфликт, сформировавший стереотипы понимания нашей исторической судьбы.

Эти стереотипы всегда мешали нашему окончательному историософскому самопониманию и самоопределению. Но сейчас они опасны и вредны более чем когда бы то ни было.

Западники убеждены в том, что есть один-единственный Запад, являющийся абсолютным благом, которому Россия никак не может причаститься.

Почвенники убеждены, что Запад – это абсолютное зло, от которого Россия должна держаться как можно дальше.

При этом никогда не давалось позитивного ответа на вопрос о том, чем именно является Россия, коль скоро она не является Западом.

Почвенническая мысль в целом сводилась к тому, что Россия не Запад. Но что же она такое? У почвенников ответа на этот вопрос не было. И ясно, почему. Будучи людьми бесконечно тонкими и умными, почвенники не

могли не понимать, что Россия никак не может быть Востоком, Азией. Разница между Россией и Китаем и Индией была слишком разительна.

В конце концов, речь шла об общей у России и Запада христианской самоидентификации. Непримируемая война двух ветвей христианства: католицизма и православия – не могла помешать осознанию того факта, что речь идет всего лишь о войне двух ветвей одного и того же христианства.

Итак, для почвенников Россия не Запад, но и не Восток. Что же тогда?

Историософия не может удовлетвориться той эклектикой, которую предлагает ей столь уважаемая наука, как геополитика. Геополитику все ясно. Раз Россия не Запад (то есть не Европа) и не Восток (то есть не Азия), то она гибрид – то есть Евразия. С геополитической точки зрения, Россия, конечно, именно такова. Ну и что? Даже с политической точки зрения подобный разговор ущербен, поскольку есть и концепт «либеральная Евразия» Андрея Сахарова, и несколько концептов «консервативных Евразий». Что уж говорить об историософии?

Евразийцы остро переживали свою историософскую недостаточность. И не знали, чем и как ее компенсировать.

Может быть, назвать Россию мостом между Востоком и Западом? Но если подобные названия и имели определенное содержание в XVIII и XIX веках, то уже к концу XX это содержание полностью испарилось. Что уж говорить о втором десятилетии XXI века? Тут стало окончательно ясно, что Востоку (например, Китаю) не нужен никакой особенный мост для того, чтобы строить отношения с Западом. И каково тогда место России в мире?

Размышляя по этому поводу, Владимир Соловьев написал следующее:

«Каким же хочешь быть Востоком:

Востоком Ксеркса или Христа?»

Как мы видим, необходимость определения историософской сущности своего Отечества порождает расщепление понятий, с помощью которых можно дать такое определение. Понятие «Восток» расщепляется. Появляются два очень разных Востока. Но жизнь понятий, как ее ни назови: диалектикой или как-то иначе, – имеет свои законы. Согласно этим законам, коль скоро понятие «Восток» расщепилось, породив два Востока, должно расщепиться и понятие «Запад», породив два Запада.

Существование двух Западов вытекает не только из подобной диалектики понятий, которая, в конце концов, абстрактна и умозрительна. О существовании двух Западов говорит нам и история. Два Запада существуют с древнейших пор.

Они воспеты еще Гомером в «Илиаде». Ибо война между Троей и ахейцами – это и есть война одного Запада с другим. Причем война непримиримая. В каком-то смысле метафизическая. Иначе и не воспел бы ее Гомер. А если бы даже и воспел, то не оставил бы столь глубокого следа на тысячелетия.

Другой, уже не греческий, а римский поэт, Вергилий, оставивший столь же глубокий исторический, философский и художественный след, возводит род Энея, то есть Рим, к Криту. Соответственно, война между ахейцами и Троей предстает войной между крито-минойской и крито-микенской цивилизациями.

Мы говорим здесь даже не об исторических фактах, которые по-разному трактуются в разные эпохи, а о делящихся во времени идентификациях. О культурных нитях, тянущихся в лабиринте историософии.

Нить, сотканная Вергилием в его «Энеиде», тянется через эпохи, как и нить, сотканная Гомером. На этих поэмах формируются идентичности. Поэмы эти учат наизусть в лицах и гимназиях. И потому задаваемые ими социокультурные модели намного важнее археологических раскопок и исторических манускриптов.

Древний Рим очень много взял из Греции. Но он всегда ощущал ее в качестве своей враждебной альтернативы. Срывая до основания непокорные греческие города, римские воины писали на табличках «мечь за Трою».

Империя Цезаря и империя Александра Македонского – это два разных Запада.

Константин Великий, покидая Рим, стремился построить новую восточную столицу в Трое. И лишь потом выбрал Константинополь.

Византийцы называли себя ромеями и при этом прекрасно понимали, что они являются альтернативой Риму, а не его повторением.

Эту тянущуюся из глубины веков альтернативность Византия передала Москве.

Дело тут вовсе не в Третьем Риме. А в том, что, приняв дар этой альтернативности, Россия окончательно оформила себя в качестве второго Запада. Альтернативного тому классическому, который связал свою судьбу не с Грецией, а с Римом.

А теперь посмотрим внимательно в контуры той альтернативной парадигмы развития, которая одна лишь и противостоит парадигме Модерна, оставаясь именно парадигмой развития.

Проект Модерн, дробя традиционное общество, бросает его в топку и движется вперед, формируя общество индивидуумов. Общество атомизированное и лишь потому регулируемое созданными Модерном институтами. Институтом права, который является для Модерна социальным суперрегулятором. Политическими институтами и так далее.

Россия после Петра уже не может использовать регуляторы Премодерна, эффективные лишь в случае, когда общество остается традиционным. Петр слишком сильно разорвал с традицией. Но Россия не признает право в виде суперрегулятора, а значит, не переходит на территорию Модерна. И при этом Россия развивается, причем стремительно.

Что же является суперрегулятором, позволяющим России сформировать быстро развивающееся немодернистское общество?

Анализ показывает, что таким регулятором является культура. Которая в России играет совсем иную роль, чем на Западе. На Западе никто не будет говорить, что театр – это кафедра. Никто не будет воспринимать даже самых гениальных писателей как пророков. И моральных (а в чем-то даже религиозных) учителей.

Между тем, так Россия отнеслась и к Пушкину, и к Толстому, и к Достоевскому.

Итак, Россия сохраняет коллективизм, обеспечивая развитие. А проект Модерн, как западный вариант развития, опирается на разрушение коллективизма.

Россия создает в советский период уникальный индустриальный и даже постиндустриальный коллективизм.

Одного этого достаточно, чтобы подтвердить принципиальную несхожесть парадигмы Модерна и российского варианта развития.

Но ведь есть и многое другое. Россия не принимает той концепции светской безутешительности, на которой основан Модерн. Она все время ищет именно светскую или квазисветскую утешительность (то есть внерелигиозный шанс обретения бессмертия). Об этом говорит и «Общее дело» Федорова, и философия космизма, и большевистское богостроительство. Тут важны не исторически преходящие частности, а воля России к нахождению светской утешительности.

И вновь альтернативная парадигма развития.

Жанр документа не позволяет нам подробно описать все уровни подобной альтернативности. Приведенных доказательств хватает для того, чтобы признать факт ее наличия. А нам здесь достаточно только этого признания.

Ибо пора переходить к анализу политических и именно политических последствий, вытекающих из данного фундаментального факта.

Россия приняла большевизм. С одной стороны, как западное марксистское учение. А с другой, – как нечто свое, глубоко народное. Но, приняв западное марксистское учение, Россия приняла не капитализм, не Модерн как способ легитимации капитализма, а нечто альтернативное. Мы вновь видим верность России фундаментальному принципу альтернативного Запада.

Может быть, поэтому Запад ненавидит Россию гораздо более яростно, чем он ненавидит Восток. Так ненавидят близкое и иное. Так ненавидят историософского конкурента. Ибо полноценная историософская конкуренция может иметь место только в случае, если у конкурентов есть альтернативные парадигмы развития.

А теперь задумаемся в полученный нами политический результат.

Если Модерн был способом легитимации капитализма, и если Россия веками (и до большевиков, и при них) была носительницей альтернативной Модерну идеи развития, то как Россия могла легитимировать свой капитализм? Ведь это потребовало бы для нее перехода на территорию Модерна, не правда ли?

Россия, оставаясь собой, храня свое великое предназначение, свой дар судьбы, не могла не отвергнуть капитализм. Маркс был западником и антикапиталистом. Ревнителем развития – и противником проекта Модерн. Потому он и оказался яростно принят именно Россией. Яростно принят – и глубочайше переосмыслен.

Из того, что предлагала ей историческая судьба, Россия могла принять только марксизм. Она его и приняла, переиначив на собственный лад. Есть органическое для России двуединство большевизмов: западнического, марксистского – и своего, народного. Без этого двуединства большевики не могли бы даже выиграть Гражданскую войну. А уж тем более построить новое великое государство.

Вот что мы потеряли в 1991 году. Не одну из возможных форм государственности мы потеряли тогда. А свою историческую судьбу.

Вот что мы утратили. И вот что должны обрести. Как мы можем это не обрести, если наш капитализм оказался ходячей патологией? Если мы не можем принять Модерн, не расплевавшись с исторической судьбой и собственной идентичностью? Если капиталистический Запад, взрастивший для себя легитимность Модерна готов сдать этот проект в утиль? Если у нас нет основополагающих азиатских условий продления агонии Модерна? Если мы не хотим продлевать агонию, а хотим обрести новую жизнь?

Капитализм полностью потерял легитимность. Он либо ускоренно превратится в фашизм, либо покорно сойдет с исторической сцены. Скорее всего, он с нее покорно не сойдет. Капитализм сооружает новые миропроjektные комбинации уже за пределами собственной легитимности. И за пределами капитализма как такового. Но эти комбинации в духе фашистского «многоэтажного человечества» так же несовместимы с жизнью России, как и переход на территорию агонизирующего Модерна.

Так как же можно спасти Россию, а вместе с нею и идею развития, а значит – все на свете? Гуманизм... Человека как такового...

Заключение: отречение от отречения

Приняв капитализм, а значит, и проект Модерн, Россия отреклась от себя. Теперь ей надо отречься от своего отречения. То есть от Модерна и капитализма. Соответственно, она должна обрести новую жизнь уже по ту сторону капитализма.

Это не вкусовщина, не волюнтаризм, не маниловщина, не утопические мечтания. Это – единственный шанс России и человечества. Если, конечно, человечество не хочет погрузиться в пучину контр- и постмодернистских игр.

Первый проект – агонизирующий Модерн...

Второй и третий проекты – Постмодерн и Контрмодерн, зловещая суть которых усиливается созданием пост- и контрмодернистской миропроjektной конфигурации.

Если Россия не может и не должна найти себя во всем этом, ей нужен Четвертый проект.

В основе этого проекта – альтернативная парадигма развития, которая пронесена Россией через века и которая в условиях агонии Модерна одна лишь только и может спасти идею развития. А значит, человека и человечество.

Прямые повторы малопродуктивны с исторической точки зрения. И все же не составляет труда увидеть, что коммунизм – осмеянный и оболганный – не случайная глупость, занесенная чужаками на попанную российскую почву. Он-то как раз глубоко созвучен русской судьбе. Он отвечает высшему принципу этой судьбы, каковым, конечно же, является именно альтернативная парадигма развития.

Россия отреклась от коммунизма очень не вовремя.

Россия присягнула капитализму очень не вовремя.

Что ж, даже в самых страшных ошибках есть какой-то, нам иногда до конца не видимый, исторический смысл. Зачем-то это произошло. Зачем же? Не затем ли, чтобы Россия, испив горькую чашу и оказавшись над бездной, осознала глубину всего того, от чего отреклась когда-то? И смогла найти в себе силы... нет, не для прямого возврата в прошлое. А для глубочайшего переосмысления этого прошлого.

Нам и миру нужен сейчас не римейк на красную тему. Нам нужен Четвертый проект, который вобрал бы в себя все лучшее из растоптанного советского прошлого. Который одновременно с этим учел бы некую, лишь сейчас проявленную произошедшей трагедией, великую и загадочную традицию. Не для того ли произошла трагедия, чтобы традиция была проявлена до конца?

Четвертый проект, вобрав в себя все лучшее от коммунизма, который Россия исторически пережила, воскресит все то, что исторический коммунизм не доделал, не доосмыслил, отбросил.

Исторический коммунизм отбросил метафизику, высший принцип светского утешения. Мы восстановим этот принцип в своих правах.

Исторический коммунизм отбросил необходимость бороться за нового человека и новый гуманизм. Мы вернем это в новый проект и новую жизнь.

Исторический коммунизм совершил онтологическую и одновременно психологическую ошибку. Он не сумел победно, радикально противопоставить принцип жизненной полноценности (того, что Эрих Фромм назвал словом «быть») – принципу отчужденности (названному Фроммом словом «иметь»). Мы исправим эту ошибку.

Исторический коммунизм вообще не сумел построить мост между частным принципом эксплуатации и общим принципом отчуждения. Мы построим этот мост.

Исторический коммунизм остановился, решив индустриальные задачи, у того барьера, за которым наука становится полноценной производительной силой. Со всеми вытекающими из этого политэкономическими и политическими последствиями. Мы возьмем этот барьер.

Мы признаем, что место интеллигенции как прослойки занимает когнитариат как класс, обладающий в XXI веке всеми правами, вытекающими из того, что наука стала полноценной производительной силой.

Мы понимаем, что этот класс разгромлен в последнее двадцатилетие. Что ж, тем самым именно он в России стал наиболее гонимым, наиболее эксплуатируемым. Мы соберем осколки разгромленного класса. Мы достроим этот класс и обопремся на него.

Четвертый проект не только историческая необходимость. Не только единственный способ спасения человечества от гибели. Он еще и способ легитимации власти.

Проект Модерн легитимировал власть капитала. Четвертый проект легитимирует власть российского когнитариата. Разгромленного и униженного, но не уничтоженного.

Мы понимаем, сколь чудовищно сложна поставленная перед нами задача.

Мы понимаем, сколь труден путь, ведущий к ее решению.

Но мы понимаем и другое. Что никаких иных способов спасти Россию нет. И что гибель России станет еще и гибелью человечества.

Внутри абсолютной безвыходности, порожденной чудовищным поражением нашей страны, мы нашли маленький просвет. Мы увидели, что из тупика выйти можно. А значит, и нужно.

Мы лишь нащупываем пути этого выхода. Но там, где раньше мы видели лишь абсолютную безысходность, – есть луч света, бьющий сквозь узкую щель. Свет этот – из нашего посткапиталистического будущего. Построив которое, мы искупим случившееся двадцать лет назад. Мы вернем утраченное и обретем большее.

Мы еще не прозрели до конца. Но мы уже не слепы. И не беспомощны. Мы хотим прозреть сами – и помочь прозреть другим. Мы собираем всех, кто стремится к тому же самому. Мы преодолеваем дух поражения в себе и других.

У нас есть шанс на победу. И мы должны его использовать до конца. Это наш долг перед живыми и мертвыми.

Хвалы́нск

14 августа 2011 года

POST-CAPITALISM

“ESSENCE OF TIME” MANIFESTO

INTRODUCTION. CONCEPTUAL AND EXISTENTIAL FRAMEWORK

Any political movement unites people of different views and beliefs. Such diversity is natural and, in a certain sense, essential. But this has nothing to do with omnivorism: there must be something unifying people who have set out to work together for a common cause.

This “something” is not even a guiding imperative, but rather a framework embracing political, moral and existential territory that is common for all participants.

The “Essence of Time” movement is based on just four principles.

Principle # 1. Each of us perceives the collapse of the USSR as a personal tragedy. Those behind the collapse deprived us of our Motherland. This is especially clear today, that the same forces are trying to deal the final blow to Russia, using the same techniques that allowed them to orchestrate the collapse of the USSR.

The loss of the USSR is a real loss for us. The pain inflicted by this loss does not diminish over the years. It hurts even more, for the tragic awareness of how much we have lost only grows over time.

A ruined Soviet Union lives on in our hearts. And because it lives on, the USSR can be brought back.

The ability to bear in one’s heart what was lost in reality is a crucial pre-condition for a revanche. And a revanche it should be—we speak of nothing less.

The pursuit of a revanche is a comprehension of the bitterness of defeat and a readiness to win. Only that, and nothing more.

We regard the collapse of the USSR as defeat of our people and our personal defeat. But we did not surrender. We are ready to fight on and win.

Principle # 2. We seek to know why the Soviet Union collapsed and who is to blame for the tragedy. We understand that this is a matter of great complexity, that the enemy used sophisticated and vicious weaponry against us, and that it still creates decoys and smokescreens. We avoid simple answers. For we understand that, as the Russian saying goes, “simplicity is worse than theft”, which is to say that any simplification here would be a gross misdeed.

We will spare no effort of mind and soul in order to get to the truth. In seeking the ultimate answer we are ready to learn and to clear away the barriers of increasing complexity. Unable to provide a comprehensive answer today, we will provide it tomorrow. Russian folklore tells of seven pairs of iron boots that must be worn-out

before a deed is accomplished. If necessary, we will wear out seventy-seven pairs. For we pursue the ultimate answer to our question, and we will find it.

Principle #3. We seek to know not only who was responsible for the decay of the USSR and what the true intentions of those who paved the way for its collapse were. We also want to understand how to restore what was lost. We struggle through to the truth for the sake of this understanding. It takes ten times more effort to restore what was lost than to find the answer to by whom, how and why what we loved was taken away.

We do not fear such difficulties. We strive for a true, comprehensive solution as to how to restore what was lost. And we will find it.

Principle #4. Without love, reason is weak. Without reason, love is blind.

But neither reason nor love is enough. We strive to understand the nature of our defeat and see the path to victory not just to entertain our minds and soothe our heartache. We not only long to know how to restore what was lost. We long to have it back.

Heart and mind, even when combined, are weak unless the will is involved. We have this will. We are ready to fight to restore what was taken from us. We do not want ecstasy, we will not writhe in convulsions. We will be cold in action, not losing our passion. Our reason will clear one hurdle of complexity after the other.

These are not just exercises for heart and mind. We need to love and to know in order to act.

Following Karl Marx, we say, "The philosophers have only interpreted the world, the point is to change it."

This is all that unites us. Only these four principles - nothing more. They constitute a conceptual, moral, existential and political framework. We feel and think differently within this space. We set off on a common path. We believe the journey to find what was lost will bring us together, but we will still remain different. Which, we repeat, is natural and even essential. Each of us is suffering the loss and understands its nature in his own way. But all of us want to bring back what was lost. And we will do it. We long to have back what was lost, and we will.

Let those who do not share these four consolidating principles step aside. We disapprove of both the sectarian intolerance and the omnivorous lack of will

Having defined everything that unites us, we shall now focus on what, we believe, will make it possible for us to accomplish our one and only strategic aim.

PART 1. ON THE CONTENT OF THE MODERN ERA

CHAPTER 1. TWENTY YEARS ON

Twenty years ago the Soviet Union collapsed.

Twenty years ago the Red banner over the Kremlin was pulled down.

Twenty years ago anti-communism and anti-sovietism became the official ideology of the new, post-Soviet Russia.

Twenty years ago it was declared that the collapse of the USSR manifested Russia's liberation from the hideous shackles of sovietism, rather than being a disaster. It was claimed, that Russia had returned to the fold of global civilization, namely, to capitalism.

A great deal had to be rejected in the name of returning to capitalism – the great state built by titanic efforts and countless sacrifices; the soviet lifestyle, and unique historic path.

The project called “capitalism” has proven itself to be far from in keeping, to say the least, with Russia's historic and cultural identity.

Vladimir Lenin stated as much quite compellingly in his early work “The Development of Capitalism in Russia”. His opponents, the Pochvenniks¹ claimed the same, and did so quite compellingly.

However, it doesn't matter who said what on the matter. What counts is the historic practice. The bourgeoisie in the Russian Empire took centuries to develop. It gave birth to many prominent political and public figures. Yet as the decisive moment came, after the February Revolution, the bourgeoisie showed a staggering lack of will and incompetence. In half a year they lost everything. They acted in a way completely different from the French, English, and even German and Italian bourgeoisies.

The differences were so striking that an inevitable question arose about the causes of such impotence on the part of a class which possessed every conceivable historic chance.

The bankruptcy of the Russian bourgeoisie following the February Revolution turned into the downfall of the country itself, which the Bolsheviks with great difficulty saved from total destruction. How did they accomplish that? They pursued a strict anti-bourgeoisie strategy, meaning that they said “no” to an amalgamation of the Russian historic and bourgeoisie identities, having discovered some insurmountable barrier between the bourgeoisie and the Motherland.

The Bolsheviks had no time. They could not waste time explaining why the choice was between capitalism and Russia. They were not capable of philosophical comprehension of this “either” –“or” by applying the classical Marxist construct, as it suggests that every country has to pass through the capitalist stage of development.

What Bolsheviks did was declare that Russia had already passed it. In a helter-skelter manner, yes, it had passed the capitalist phase nonetheless in some way. In what sense had it passed? Why already passed?

The Bolsheviks did not supply a satisfactory explanation to those questions, and nor could they.

¹ Pochvennichestvo – a Russian social movement. It arose in the mid-19th century. The Pochvenniks believed that Russia was a special civilization, an alternative to the West, they recognized the special mission of the Russian people as being the saving of humanity; they preached the bringing together of “educated society” with the “national grounding” on a religious-ethical basis.

Their opponents, the Pochvenniks, elaborated on this matter. But they did not show the way forward either. Actually, they were just glorifying the spiritual merits of feudalism, setting it against the spiritual impoverishment of the bourgeois.

Bolsheviks showed the way forward and led Russia on a radically anti-feudal and anti-bourgeois path.

What is the secret of the incompatibility of Russia's historic and cultural identity and capitalism? Is it down to the incompatibility of any multiethnic empire with the bourgeois, which always turns into a "parade of bourgeois nationalisms"? Or is there something deeper involved?

The need for an answer to this question is now particularly pressing.

Our opponents from the radical liberal camp have already given their answer.

They said: "The Russian spirit and the Russian cultural matrix cannot be combined with capitalism. We might not understand why, yet we recognize this. We do not want to figure out why because we know that for us the choice is either capitalism or death. This means that in order to live on (i.e., to build capitalism) we will have to deal with Russia the way a cook deals with a fish. We will urge the Russian spirit to mutate, radically alter the core of Russian culture, drastically transform the Russian cultural matrix. What else can you do?" That is what liberals say.

Even though Russia is struggling through a catastrophic period, a time of great despair, in order to overcome an impasse, at least at this point we need to find an adequate answer as to WHY Russia is not compatible with capitalism. What is the mystery of their incompatibility?

Let us admit the obvious.

Twenty years ago Russia plunged into a new affair with capitalism. This time, with more disastrous consequences than in February 1917. The disaster of that February, the disaster of the bourgeoisie as an incompetent ruling class, lasted little more than half a year. The current affair between post-communist Russia and new capitalism has already lasted twenty years. In those twenty years, capitalism has not created anything, and it has destroyed everything.

Our opponents blame Russia, saying that it only imitates consent to marriage with capitalism whilst still piling up focused and stubborn anti-bourgeois resistance.

If so, our opponents say, even the most drastic means are necessary to push Russia to capitalism. Yes, they say, these means should be even more radical than before - de-sovietization in the manner of de-nazification; foreign control; dismemberment, if necessary. And all this for the sake of the greater glory of capitalism.

For, if capitalism fails, really fails, the consequences will be more devastating than de-sovietization, foreign control, dismemberment, and so on, as capitalism alone can show the way out, can somehow keep things afloat. It is the only Saviour.

Before our battle with our opponents enters a decisive phase, we must find a definitive answer if what they claim is true. Can our opponents be right? Can capitalism be the only salvation? Could it be necessary in this case to forcibly remove the barriers that for centuries preclude Russia becoming fully bourgeois?

In order to get an honest and comprehensive answer, a fresh analysis of capitalism is required, an analysis that will substantially reexamine capitalism's past, and provide guidance into its future. What we need is not anti-capitalist propaganda and advocacy. We need theoretical tools that enable us to find a sincere answer as to the nature and prospects of capitalism, which means, essentially, to determine how to get Russia out of its miserable and dreadful state. Is the solution to make the country capitalist at any cost – or is there some other course?

We will not anticipate the answer to this question.

We will not work to some preset idea.

We will research capitalism with the utmost scientific sincerity, using a conceptual construct which will allow us to take everything into account – the objective achievements of western capitalism, the crash of the USSR with its anti-capitalist stand, and the humiliating nightmare of the last two capitalist decades in Russia.

CHAPTER 2. ABNEGATION AND ABNEGATORS

Twenty years ago, a fundamental abnegation of Russia's own historic path occurred in the name of accelerated construction of a "bright capitalist future." It was accompanied with slogans of a return to global civilization (i.e., capitalism), of the rapid attainment of a "normal life" (i.e., capitalism).

Cynically, this abnegation was formalized as a return to the original national traditions that were trampled by "hideous Bolsheviks."

The abnegators used pre-soviet symbols and semantics. They dismembered the empire and trampled the values that created it, supplying people with an anti-soviet pseudo-imperial substitute. They were practically explicit that it was nothing but a substitute that had to reconcile the broad strata of Russian society with their new policy.

In the meantime, the abnegators openly despised these broad strata. Inspired by the fact that these strata had already given their support by electing Yeltsin in June 1991 as the President of the RSFSR, the abnegators treated the population, who had backed them up, as "trash", as a "mob" that would "lap up" any substitute.

We need to discuss the reasons why the awful slumber of abnegation has lasted for twenty years. We cannot but admit the obvious:

This nightmare could not have lasted so long if Russia had not been so badly damaged.

This slumber of abnegation is unprecedented in its length, its consequences are dire and humiliating. It affects everything: education and healthcare, industry and agriculture, military defense and security, law enforcement and demography.

This does not allow us to dismiss the question of whether the country is still alive at all or not. We will leave professional optimists, along with those who listen to their exclamations that Russia has "risen from its knees," to their own devices. We have to be honest with ourselves about whether the current situation is simply an incredibly long and terrible slumber or the death of the country?

If we address this issue then we have to be serious about it. We will thoroughly measure parameters that will provide a truthful answer to this terrible question. And we'll recognize that Russia, having entered the capitalist path in an ugly way, was terribly injured. However, Russia is still alive and little by little awakening from a coma-like sleep of twenty years.

We must abstain from any sweet illusions. Russia is not fully awake. It still hovers between life and death. The forces seeking the death of Russia are very likely to achieve it. But no matter how likely this result is, Russia still has a chance to survive. We must make the most of this chance. We cannot forgive any weakness, any apathy, any excuses maintaining that Russia's friends are utterly frail while its enemies are infinitely strong.

What path should Russia follow? The same capitalist way, but to a far greater extent, including the repression of everything anti-capitalist? And what if the entire tradition is anti-capitalist? Then it should be suppressed entirely? But what will remain of Russia then?

CHAPTER 3. TOWARDS A METHOD

We need a method that can fully express the essence of the modern age. Since everything else depends on the answer to the question of this essence.

Does this age provide a chance for anything but capitalism? If it does, then what?

It is clear that if there is no such chance, the collapse of Russia is imminent. And if it can still survive after its spirit has mutated, the core altered and the cultural matrix shattered, then it will not be Russia anymore. But if there is a chance, can Russia seize it?

To approach the answer, which literally is of a crucial character, we have to agree on a methodology that will allow us to discover the desired answer, while resisting the temptation of simple propaganda or endless academic intellectualizing.

Political methodology has three basic elements: honesty, intelligence and will. It is the honesty, intelligence and will of those who seek to escape an impasse that determines whether it is possible to actually escape the impasse.

We shall begin with honesty. It is common knowledge that Russia lost the Cold War, and the victorious powers treat Russia today the way victors are supposed to treat the defeated. Do we not still have the honesty to admit the following?: "Yes, we have to face a humiliating and terrible defeat."

Why are we afraid and deny reality? Do we fear that reality will shatter so-called healthy forces? Healthy forces are strong forces. And this is why there is nothing to be afraid of. Those who are crushed by this sort of admission will be crushed regardless when the first serious challenge arises.

Thus, the losses are minimal and the gains are enormous. Acknowledging this humiliating, awful defeat mobilizes firm and courageous individuals. It will give these

individuals new strength. *And truly – the hammer stout the glass will break and forge the sword.*²

When we have acknowledged the personal defeat, after we have suffered over it as the greatest of tragedies, the feeling that acknowledgement brings will be the blow of the hammer. And the sword forged by the hammer will be a new man, one that is capable of saving Russia from imminent doom. Such a man will be born in the fire of a very specific suffering that has been titled “catharsis” since the days of Ancient Greece.

After we have discussed honesty, we shall proceed to intelligence.

Was Russia defeated in the Cold War? The fact that it lost some kind of war is indisputable. But was this war the canonic “cold war” as most prominent anti-soviet activists claimed it was?

There is a famous book by Richard Nixon titled “1999: Victory without war”. The title itself indicates that the contest lost by Russia was more complex than a classical war, albeit a cold one. It is of crucial importance to recognize what kind of contest was lost. Any sort of inaccuracy is inexcusable here, as the enemy plans to use the same weapons to wreak complete havoc in Russia. This is why we need a full, deep and merciless analysis of the phenomenon called Perestroika. This is especially true now that everyone sees a new perestroika, “Perestroika 2,” being enforced on Russia today, twenty years later. This is the very perestroika that if not stopped will be the ultimate downfall of Russia.

However important the notions of “intellectual war”, “diffusive war,” and the like are, the deepest and fullest for us is the notion of the Game.

Russia was not defeated in the late 1980s. Rather, it was outplayed. If this fact is acknowledged it will reveal the key contradiction of our time — the contradiction between the Game and History. Previous centuries have never seen such a heated and ruthless contradiction.

The American political scientist Francis Fukuyama’s famous article “The End of History,” written twenty years ago, was, no doubt hollow like any trendy text. Why then did it become so popular? Why did it practically turn into the ideology of globalism?

The problem of the end of history is infinitely deeper and more tragic than the article of the same title, which was written using trivial Harvard clichés. The end of history is the beginning of the absolute power of the Game in the form of manipulative combinations, created by the elite in the absence of a public will and people as such. At the end of the day, it is the people who make history.

Those behind the collapse of the Soviet Union fought more than just the USSR as a geopolitical opponent and communism as an ideological one. They fought history itself. Entirely new techniques were implemented that were designed in the forge of political postmodernism, which abhors history and the grand historic projects that enable the historic drive of progress. It abhors all this, including even the “Human” project.

² A citation taken from Pushkin’s “Poltava”.

The war with the USSR and communism was waged against history and human beings, meaning against humanism and progress.

The USSR and communism turned out to be the principal and at the same time weakest links in the historic chain. Dismantling the USSR and communism was just a prologue to dismantling history and humanity.

Thus let us acknowledge the humiliating defeat.

Let us comprehend our enemy's might and perfidy, the scale of its evil intentions and the ultimate nature of its anti-human projects.

After we have acknowledged the humiliating defeat and the scale of the evil to which we lost, we shall see the full extent of the loss. In the end, one of the determining components of the victory was the state of minds and hearts enforced by the enemy, eliminating the very notion of "loss."

What was to be eliminated was the soviet identity, tarred as a shameful and bloody pathology, completely lacking any sort of positive content. Can such a pathology be mourned as a loss? Not at all. If the past is dreadful, it is a happiness to be relieved of this horror. "Those who told us that the past was not appalling, they were lying, lying, lying to us! They were hiding the truth from us! And now we have finally found this truth! Now we can see! We disclaim our past, we repent of it!" This is what rattled around in the heads of many of our compatriots.

This rejection of the past was complimented by a very specific image of a positive future. With every new round of catastrophe, it became clearer that the image of this future was more materialistic and anti-spiritual than ever before. And in this future, instead of "heaven on earth," there are many small and tiny heavenly morsels, such as jeans, processed meats and the like.

Thus, the abnegation of the past and the idealism that was typical of this past becomes a substitution, a mess of lentil pottage of these small and tiny heavenly morsels. And this was the intention of the enemy. This is how the enemy planned to reach its final goal. The enemy succeeded, but it has not yet gained ultimate victory over Russia and history at large. And because it has not yet been completely successful, the enemy is malicious. This is why it is rushing towards new de-Stalinizations, de-sovietizations, new major and minor perestroikas.

After we have endured the defeat and comprehended its scale, we must ask ourselves whether we can concede the defeat.

Therefore, the third challenge, the challenge of will, adds to the matter of mind and feeling.

This is a key issue today. Those who intend in earnest to keep on fighting have to face challenges that are unprecedented in their complexity. They have very little time to overcome them.

If those who intend to keep on fighting accept themselves as a given, as who they are now and nothing more, if they do not transform themselves, replacing the dreary

beings they once were as part of personal self-transformations, then the new battle will inevitably be lost. This time it will be lost for good.

And this is where the principal and determining super factor is added to the three methodological factors analyzed above – honesty, intelligence and will. This factor is love.

Do those who want to fight for Russia have this love? Not love in general, but rather a love that is extreme and final, a love that does wonders. To what (or to whom) should this feeling be addressed? To the clothing that covers a historico-cultural identity? Or to the identity itself? And what kind of identity is this? How do we avoid splitting it and killing it with varied scientific notions?

Manifestos are not meant to solve mysteries. A mystery necessitates a sacrament. This is why, after we have discussed the importance of transforming love, we shall presume that the love is already in existence. If it already is, then what comes next?

Then love comes to power to purify and transform.

Honesty says that what you love is dying.

Love demands you save what is dying.

Honesty says that you — the way you are — cannot do anything.

Love says that you must.

The conflict between “must” and “cannot” becomes increasingly intense and seems even more hopeless. Finally, the mind suggests a way out: “It is you, the way you are, who is unable to save what you love. Since you must do it, you need to become another you. And this ‘other you’ will solve the problem that the ‘present you’ cannot.”

Revanche consists of acknowledging the defeat and an intention to win in the future. Not to talk about the victory, but to win. Since Russia was outplayed in an extremely sophisticated game, and since a new sophisticated game is being enforced on it again, the revanche is to win. Since the game is extremely complex, one can win it only having fully understood and mastered the rules of this game, the laws and the ways to conduct it.

We must understand all this not with our minds alone, but instead must embrace it entirely in order to play the game and win.

The game is not only complex and cunning. It is repulsive. Your entire being rejects any embracing of it. Even more so, because the complexity requires the highest degree of professionalism, which you lack. And most of those who have this professionalism have already defected to the enemy.

Because the only way to save what you love is to win this game, you become a specialist the way a mother willing to save her child becomes a doctor. By doing so, you really become someone else. Honesty, intelligence, will and love transform you. And in this transformed state you are able to solve the original problem.

This is neither magic, nor mysticism. The most evident form of transformation is education (both formal education and self-education). Political education and self-education take on an extremely pressing importance in the current situation.

To save the country, there need to be thousands and even tens of thousands of individuals who are politically educated in a new way and bound by a deep mutual understanding that is both moral and theoretical. Ideally, these are individuals who have gone through one major political school, similar to Lenin's famous Longjumeau, but infinitely more profound, detailed and massive.

We must talk of salvation only because it will establish the basis on which rescue teams will form. Marx was right: scientists have been explaining the world for too long while the task is actually to change it.

Yet this declaration did not prevent Marx from supplying explanations, did it?

CHAPTER 4. US AND OUR PREDECESSORS

Creating "The Communist Manifesto", Marx analyzed the bourgeoisie of his day.

Now it is time to analyze a completely different bourgeoisie — the bourgeoisie of our time.

To analyze the bourgeoisie of his time, Marx used a conceptual construct of his own design. This conceptual construct is still essential. We cannot, though, consider it to be comprehensive, equally applicable at any time and fully descriptive of the phenomenon we are interested in. Marx's "Capital" and other works by Marx and his followers focus attention on the most crucial factor, the factor of material production, or in other words, the principles of the artificial material environment, which only man is able to create and develop, and which, though partly subservient to man, at the same time dominates him.

Max Weber argued with Marx, not as with a wily villain, but rather as with a great scientist who succeeded in brilliantly analyzing the key factor — material production. While he recognized the crucial importance of the artificial material environment itself and the laws, governing within it, Weber tried to convince Marx's supporters to consider society as another independent factor that is not a material, but that is rather a social environment, which is just as artificial as the material environment, and is created by man and governed by its own laws, both adopted by man and ruling over man.

Man builds society as a system of regulators, Weber claimed. This system of regulators is historically transient. History is the process of change in the type of regulators and society.

A single, separate individual cannot create and control the artificial material environment. It is created and controlled by people organized in social communities.

But did Marx not talk of about human sociality?

He definitely said something, and did so with the utmost certainty.

Marx did not want to acknowledge the system of social regulators (or, in his terms, the superstructure) as a separate factor that is even partially autonomous from the artificial material environment (or, in his terms, the base).

Marx, Einstein and Freud could not aesthetically accept a range of equivalent factors, as it were. These three great scientists had to derive all laws from a single source: Einstein's curvature of space-time, Marx's labor theory or Freud's Eros. At the end of their lives, Einstein and Freud rejected the principle of deriving the world from a single factor. Einstein acknowledged dark matter, Freud acknowledged Thanatos. But Marx did not live into the twentieth century, with its far-reaching and very dark correctives. Whether he reconsidered something at last and what exactly, is not clear.

Marx's desire to derive everything from a single principle, giving rise to monism, and not some other theory, determined Marx's extremely complex attitude to imperial Russia. When he decided to study Russia separately, Marx embarked on the rejection of methodological and theoretical monism. The extent to which he could have succeeded is unknown.

But it is the very inconclusiveness of this path of Marx's that inhibits us from relying on his theories concerning the essence of the modern age, let alone the chances of Russia in the 21st century.

Synthesizing Marx and Weber is of primary importance. It is important in the sense that an analysis of the artificial material environment, which is created and developed by man, should not be rejected, but rather supplemented with an analysis of the social environment, which is determined by a system of regulators.

Analyzing modern capitalism and determining the prospects of capitalism, is possible on this basis only. Marx revealed a great deal and predicted an amazing amount. However, he did not reveal and predict everything.

Marxism played an intricate role in the life of Soviet society. It created this society and helped it overcome many obstacles. However, it also slowed down its development.

Soviet ideologists feared the development of Marxism. They strongly blocked it, believing that the stability of Soviet society was determined by the ideology in which the role of sage was reserved for Marx. The canonization of Marx became one of the features of Soviet society. Another feature was the rabid anti-Marxism of Pochvenniks and liberals. A third one was the arbitrary interpretations of Marxism emanating from the political struggle of Soviet elite clans. These factors did not allow Russia to adequately respond to challenges.

In the Soviet era, a synthesis of Marx and Weber did not take place for purely political reasons. It was not ideologically needed and thus was rejected in an authoritarian manner, despite the scientific need and despite the fact that the main prerequisites for this synthesis had been created by Marx, Weber and their followers. Other preconditions were in place too. As well as the artificial material environment (which man creates and develops, and which affects man), as well as the social environment (which man also creates and develops, and which affects man), there is

also man himself. As an individual factor, man is no less valuable than the technosphere and society.

By developing the material environment and society, man develops himself too.

Subject to laws of the material environment and social laws, man is also subject to cultural and anthropological laws.

Erich Fromm, one of the greatest psychoanalysts and philosophers of the twentieth century, studied these laws in detail. In fact, Fromm admired Marx and did not refute him. He called Marx one of the greatest minds of humanity. He strived to add an autonomous knowledge of humanity to Marxism and knew how exactly to carry out such an addition.

The new construct, which includes these additions, among other things (such as the hidden metaphysical polemics of Marx and Hegel, a theological analysis of the historical materialism of Walter Benjamin, Bogdanov's "Tectology", and so on), enables us to re-evaluate the essence of the modern age. In terms of theory, we have a great deal to do yet, but we can be certain enough of the essence of the modern age. There is no doubt that here a synthesis of Marx and Weber will be instrumental.

CHAPTER 5. CAPITALISM – THE REALITY AND THE ILLUSION

The collapse of capitalist illusions is the principal novelty of the modern age.

The project of rapid capitalist construction in Russia — and in turn the dismantling of the USSR, the Soviet system, the global communist system, and the global ideological and political power balance — was based on these very illusions. They decided to dismantle all of it in order to rush into capitalism no matter how hideous the results would be.

Ilya Ehrenburg wrote the novel "Trust E.N." in which he referred to a kind of political trust that proclaimed a slogan "Europe Now!"

The USSR, the Soviet way of life, the whole global project, an alternative to capitalism, were dismantled by the creators of the Trust C.N. ("Capitalism Now!").

The Trust's creators argued that the only salvation was capitalism. They said: "We don't give a damn to what extent capitalism is compatible with Russia. We've had enough of mollycoddling it. If Russia and capitalism are inconsistent then that is Russia's problem. Capitalism is the only salvation."

The arguments of Trust C.N.'s creators compelled and enticed the naive Soviet society. Yet by 2008, the bitter truth the society thought it was accepting had proved to an illusion.

Capitalism as a non-alternative way, as the final outcome of the history of mankind, is an illusion. Francis Fukuyama's article "The End of History", rather primitive at first glance, but with a deep underlying conceptual message, did a great deal to promote this illusion.

Now we see that there is no end of history as seen by Fukuyama, the neo-Hegelians from whom Fukuyama learned, and adventurers who turned Fukuyama's rumblings into the political flag of so-called globalism.

It is obvious that there is neither an end to history nor a clash of civilizations, as proclaimed by Huntington, Fukuyama's conservative counterpart who took it upon himself to give conceptual guidance to the USA's Republican Party.

But what is there, then?

We have already stated that the collapse of the capitalist illusions, the very illusions that gave rise to perestroika and post-perestroika, which turned out to be the most bitter and humiliating period of our history, is evident:

- the period, when the new mythology with its slogan "Down with the 'hideous sovietism' in the name of capitalism!" was taken for granted;
- the period of self-betrayal, of rejection of its own historical path: "Why do we need it if there is one single capitalist historical highway?" ;
- the period of vile and nervous craving for capitalism: "We made a mistake, we backed the wrong horse; we should abandon any fantasies. At least we will eat our fill and have real fun."

What seemed real turned out to be an illusion.

What seemed to be a victory for common sense over the Soviet "illusions" then, turned into illusion itself.

We shall also state another point.

The conceptual and analytical manifesto "Post-perestroika" admonished twenty years back that these illusions would collapse. It warned us not to take these illusions for real.

Twenty years ago, it was said that the victory of world capitalism was deceptive, that the affair planned by Trust C.N. would have detrimental consequences.

Alas, despite these admonitions society succumbed to the seductive voice of capitalist sirens, hired to carry out dirty PR work for Trust C.N.

The owners of the Trust are now incredibly rich and the rest have been plunged into frustration. It could not be otherwise, since the very criminal pseudo-capitalism predicted in the "post-perestroika period emerged, since the global capitalist illusions the book focused on collapsed under the very scenario described there.

And if we do not come to our senses then everything will develop in keeping with that scenario, and it will be utterly deadly both for Russia and the whole world. To avoid this, we have to come to our senses now.

Now or never. This is the cost of the issue under discussion.

If the tremendous frustration caused by the last two decades cannot lead Russia to find the strength to overcome the imposed strategy of renouncing its own historical path, its downfall is imminent. And it will not take long. If Russia fails to come to senses now, by 2020 Russia will no longer be found on the global map.

CHAPTER 6. THE FUTURE OF THE TRUST C.N.

Despite what we assert here, the Trust C.N. insists that there is no alternative to capitalism. It says the capitalist project should be completed, whatever the cost, no matter how great.

Does the Trust C.N. itself believe in its historic rightness?

If you carefully read all of its pseudo-conceptual documents and explore the ideas of the authors of "Strategy-2020" (and its additions), "Strategy 2030" (and additions), the strategy of democratic modernization, the strategy of intellectualizing the economy (4th grade intellectualization, 5th- who wants more?), a feeling of great frustration and embarrassment might overwhelm you.

It surely will. Yet the relative depth and intelligence of certain authors is not the issue here. Trust C.N. is a failure.

The documents, ordered by them, contain not a single word of truth.

For this reason, they have neither a desire to recognize the disaster of the immediate situation, nor a will to overcome those tendencies that add to the disaster on a daily basis.

Trust C.N. still does not believe that Russia's non-capitalist tendency is not a deficiency, but something completely different. This is the reason why its sirens can change the intonation of their singing, at best, but can do no more than that.

Disbelief in the historical, global significance of what made Russia distinct from its historic Western opponent, hinders their ability to develop a strategy to get out of the current disastrous state of affairs, since it is a result of that very disbelief.

If you have no faith, no love, no hope will be in you. If so, you feel free from being fully responsible. Being irresponsible, where will you find strength to overcome macro-social trends incompatible with the life of Russia? How could you start simply to take seriously what is serious.

The Trust's conceptual papers lack a serious approach, and it is their fundamental feature, which relates to the fact that none of the creators of those documents doubt, even for a single moment, that the documents are out there on their own, and the process is going its own way.

Openly sarcastic in public, they feel quite comfortable in taking part in so-called "intellectual discussions." They say it freely: the cause is lost. Since what cannot be cured must be endured, they babble and get ready to "run with it."

Thus, the officialdom is reluctant and unable to overcome destructive tendencies. As these tendencies are generated by what it will never reject, what it cherishes more than the life of country. Because the official apparatus is unwilling and incapable of overcoming these destructive tendencies, the collapse of the country is imminent.

The officialdom does not care about this collapse. But we do.

The official apparatus is not willing to rebuild Russia. It wants to settle in their foreign estates and from there observe the collapse of Russia, the way a spectator watches a fascinating theatrical performance.

The bureaucracy is delusional in everything concerning its resettlement in the West. So much the worse for them. We, for our part, do not intend to settle in the West. We want to be victorious together with the country or to die together with it. And we believe in our triumph. We do not seek a cozy harbor. Russia is the ship from which we will not flee.

Yes, this ship is in a deplorable state. Yes, a terrible hardship is looming. That is fine.

We accept the challenge and therefore address society with this manifesto, seeking historical and global responsibility.

We address our manifesto to those who have opened their eyes, to those who feel all the shameful and detrimental fatality of the impulses that led Russia to stray from its historical path, to those who want to bring Russia back to its own truth and authenticity.

Others will also open their eyes — but only when it is too late. That's why it is so important for those whose eyes are open to find the strength to form a strategic response to the dire challenges before us, to fully recognize now all the bitterness of the last twenty years, to learn the fundamental lessons, to ensure that what happened will never happen again, and by doing so to atone for the disgrace of the last twenty years.

Using what we have learned, it is necessary that we immediately develop a new conceptual and strategic course. A new historical project for Russia and for all humanity.

The project is not enough, though. We need a subject that is capable of accomplishing this project.

The project — now or never.

The subject — now or never.

Now or never is the main battle cry of our time, because later it will be too late, because later there will be no "later" for those who love Russia.

Our new and last manifesto is for those who have realized, or are ready to realize this.

We have already substantiated why this manifesto is the last one.

And now we will substantiate why it is new.

CHAPTER 7. THE COLLAPSE OF ILLUSIONS ALONE?

As we continue to discuss the essence or content of the modern age, we absolutely refuse to narrow it down to the statement of the fact that the capitalist illusions

collapsed. We need an analysis that is capable of identifying the genesis of this collapse, its structural and functional features, consequences and possible ways out of it.

That is exactly what a methodology based on a synthesis of Marx and Weber is for. If used to analyze the current situation, the results will be as follows:

The bourgeoisie as a class was formed in the midst of feudal society.

Feudalism allowed and even encouraged such a class to be formed.

Feudal lords needed merchants, who would lend to them. More than that they needed the rudiments of a future industrial production.

A knight could not do without a smith who would forge his armor. In order to be victorious in wars, a king needed muskets, cannons, ships as well as swords and pikes, and a great deal of other provisions.

Long before capitalism triumphed, an inevitable historic compromise emerged between feudal lords and the bourgeois.

Scientific and technical achievements, which gave rise to industrial growth, gradually tipped the scales in favour of the bourgeoisie.

This tendency formed through great bourgeois revolutions. Though violent and radical, they were only completing the process that was already taking place. Bourgeois families ascended the ladder of success, embracing the spirit of humility, diligence and obedience to law. Born deep in Christianity, the new religion of Protestantism facilitated this entire process.

We should not in any way embellish the triumphal procession to power of the capitalist class. This class never frowned on robbery. Much of bourgeois wealth was generated by selling slaves, piracy, and the rampant despoiling of colonies. Still, the foundation of Western and later oriental capitalism was not criminal.

"We work while you are carousing," said the bourgeois to feudal lords.

"We live in modesty and you are surrounded by luxury," they said, showing their modest brown frock coats, their frugal lifestyle, their culture, their homes.

Whatever criminal waters ran deep in the rising bourgeois, the essence of the bourgeois was anti-criminal.

The bourgeois said to all other strata of the feudal society: "This is a feudal lord, who gets money by robbery or servility, but we work, hoard money, pass on our meager savings to children, who accumulate more in the same honest way, and so on from generation to generation." They did not lie. There was social evidence that honest work, tenacity, intelligence, prudence and the ability to take risks were the fundamental features of the new emerging class.

We shall compare all this with the project of Russia's Trust C.N.

Soviet society, as opposed to the feudal society, could not make the bourgeois a new law-abiding class, with its own norms, values, principles, ideals, and project.

How much money could a law-abiding, highly paid Soviet specialist save during his life?

Could such a specialist, no matter how highly paid yet law-abiding, raise at least a million rubles? Even if an academician put away a thousand rubles a month (which is almost fantastic) and carried out his activities in the capacity of a member of the Academy of Science for 30 years (which is also almost unbelievable), he or she could raise 360 thousand rubles³.

The creative intelligentsia, writers, filmmakers, screenwriters, artists, and the like, showing all the qualities of Pushkin's "Miserly Knight", could probably spare somewhat more. Yet the history of the Soviet Union had no representatives of these professions who showed such qualities and were attracted to saving like this.

A careful analysis of highly paid professions shows that the law-abiding strata of Soviet citizens who had high and very high capacities to accumulate funds were unlikely to exceed a thousand people, while their potential combined savings certainly did not exceed 1 billion rubles.

Meanwhile, for the Trust C.N.'s project to be carried out, key assets worth more than a trillion rubles had to be rapidly acquired.

Thus, the Trust had to either abandon its project of rapid construction of capitalism in Russia, or allow the purchase of key assets by three categories of non-law-abiding citizens.

The first one is the so-called tsekhoviks (shadow entrepreneurs in the Soviet Union). They were Soviet citizens who worked on the cusp or, more often, beyond the brink of breaking the law. Still, this is the most law-abiding of the three groups. The Trust C.N. used this group for their project because its members at least produced something. Even if it was done illegally, or done with illegally obtained resources. In any event, this group, which was constantly in the zone of extreme risk, had to distance itself to some extent from the local corrupt bureaucrats, and from out and out criminality. Otherwise, a tsekhovik died or rotted in jail.

Though bowing and scraping before the mafia and corrupt officials, they could not afford to be fully dependant on either of these groups. Did many of them prosper while the project of the Trust C.N. was being carried out? At most, dozens of representatives of this category did.

The second category is made of speculators who did not produce anything. Soviet society regulated pricing strictly. Therefore, anyone who sold the goods from the state store in the market would reap a huge profit without producing anything. If the first category could be placed in the dark gray area, then the second one is in the black zone.

The third category, which is blacker than black is thieves with their common funds – the *obshchak*, or kitty of an organized criminal group.

Without going into issues of initial capital raised in more complex ways (including from the intelligence agencies), we reach the conclusion that privatization by Trust C.N. was inherently criminal. (It should be noted that the initial capital raised in more complex manners that we omitted to discuss above were just as criminal.)

³ Around \$ 300 000 (calculated at the average rouble/dollar rate for the last Soviet decade)

Thus, the bourgeoisie, which slowly grew within feudalism was essentially non-criminal. Meanwhile, the bourgeoisie nurtured by the Trust C.N. was extremely criminal and could not be otherwise.

Companies were sold for next to nothing and even given away for free, and still this type of privatization could not make a difference in the nature of rapidly created capitalism.

For just this reason, the capitalism that was built in Russia differed drastically from any more or less "normal" capitalism. Though this, as it were, "normal capitalism" was inherently predatory too, and drastic measures had to be taken often to rein in the most ravenous manifestations of its predatory nature.

The Trust C.N. masters did not nurture a normal, imperfect capitalism as found in other nations. Instead, they fostered a criminal monster, a devouring pseudo-class. They managed to nurture it. The class started to devour everything, on the principle of "the appetite comes with eating", and it has done so for the last twenty years.

Could those behind the Trust C.N. not understand what they were doing? They certainly could not. However, they created exactly what they wanted — the death of Russia. Let them not lie by saying they wanted to save Russia, adapting it for capitalism. They were carrying out their liquidation project.

Now that we have compared the type of savings, we shall compare the rest.

At the end of the day, there is also the so-called primitive accumulation stage. In classic cases when capital forms slowly in the fold of feudalism, the "white" component may prevail in the primitive accumulation, though others are always present. But if capital is formed rapidly, the proportions of "gray" and "black" components naturally increase during primitive accumulation. And then there arises a strong need to terminate this phase, to tear off the accumulated capital from the criminal cord. And if it is not done, quickly and ruthlessly, the country where such a capital is dominant is not criminalized, it becomes entirely criminal.

A criminal state is inherently unstable. It cannot coexist with normal, even criminalized, but not criminal states.

The distinction between a criminal and criminalized state is the line between life and death. Criminal states are destroyed ruthlessly. One example is the destruction of the notorious pirate kingdoms. Even if this does not happen, criminal states destroy themselves, but they are usually destroyed like a fatal disease conveyor by those who come into contact with them.

Could it be that the creators of the Trust C.N. did not understand these basic concepts? No, they could not have failed to understand these concepts. Yet they did everything they could to inhibit Russian capitalism from getting out of primitive accumulation. They strongly encouraged all forms of its criminalization and they achieved their goal. The class mutated completely, dropping metastases in all institutional shells.

This wasn't the will to build capitalism, rather the will to destroy Russia through criminal pseudo-capitalism, by transferring all functions of the ruling subject to this criminal pseudo-capitalism and transforming the state into a criminal monster.

Did the "Post-perestroika" manifesto admonish this to happen? Definitely.

Did it happen? There is no doubt.

That was not, by any means, a coincidence or stupidity.

Is the situation reversible? Yes, given that a powerful rejection of any, even non-criminal capitalism is inherent in historical Russia.

With deep regret, we must state that the current government does not have any real intentions to remedy the situation. The obvious tasks arising from the above are not even put on the agenda. For example, there is no attempt to deal with the problem of overcoming the deadly prolonged phase of primitive accumulation or the problem of decriminalizing the capital. These specific problems are increasingly replaced with a suspicious starry-eyed idealism. Is it a lingering naivety? Or a mask, that the subject is wearing because it fully understands that the country is about to be devoured completely and is reluctant to resist it?

Historical Russia rejects any form of capitalism.

The conscious formation during these twenty years of criminal capitalism is incompatible with Russian life.

What else is it of vital importance that we discuss in connection with the fate of capitalism in Russia and the world, in connection with the answer to the crucial issue of the essence of the modern age?

CHAPTER 8. THE BOURGEOISIE AND SOCIAL AIMS

The supra vital feature of a genuine bourgeois class is its ability to act as a leader of society or, to put it another way, as a driving force for society. The genuine bourgeois in their day were a true leading class, a class that did what the widest strata of society strove for.

After they proclaimed "liberty, equality, fraternity," the bourgeois undoubtedly developed a society that was quite different from this great ideal. Yet it was never historically fruitless.

It bridged humiliating estate divisions.

It gave the land of the nobles to the peasants.

It developed a new social type of community: a bourgeois nation.

It offered a new perception of human destiny, values and ideals.

However, it turned out soon that there was a dark undercurrent, and the grand achievements were accomplished thanks to an unbelievable effort of the exploited masses and the working class in particular. It turned out that under the cover of talk of values, the Golden Calf was slowly elevated to the pedestal.

Nevertheless, that rising, historically consistent bourgeois class took humanism and social progress seriously.

A rising, historically consistent bourgeois class had a mission, its own vision of the future, a grand historic dream.

This is reflected in culture and art.

A rising, historically consistent bourgeois society was not culturally fruitless. It gave birth to great literature, music and painting, which meant that it succeeded in conveying a new quality to humanistic aspirations.

Which is why we cannot deny the cultural and, hence, humanistic mission of the genuine bourgeoisie. While the culture it created was ruthless to its creator, this was not abnormal or pathological, but rather a norm of historic life. We shall give credit to the grandeur of the bourgeois, which began to form in the West in the midst of feudalism in the middle of the fifteenth century, and by the early nineteenth century had become a supreme and leading class.

CHAPTER 9. THE BOURGEOISIE AS A CLASS THAT ACCOMPLISHED A COLOSSAL HISTORICAL AND SOCIO-CULTURAL PROJECT

Characteristic Russian broodings along the lines of “what must be done?” and “who is to blame?” are necessary but insufficient. It is impossible to answer the question “WHAT must be done?” if there is no answer as to WHO will do that WHAT.

By answering the question of WHAT must be done, we analyze the PROJECT which will bring about necessary historic transformations in the course of its implementation.

By answering the question of WHO is to pursue that WHAT (that is to accomplish a historical and necessary PROJECT), we analyze the SUBJECT.

No project is possible without a subject. Equally, no subject is possible without a project.

A subject outside a project is merciless and is quick to disappear from the historical scene. A project deprived of a subject is a mere abstract utopia.

A project lacking a subject is groundless and turns into a humiliating daydreaming.

The rising bourgeois had its Modern project and at the same time it took the role of its subject, that is to say a class, capable of accomplishing the project.

The rising bourgeoisie issued a social order for its grand project.

Great thinkers carried out this commission.

Their names went down in history.

A grand cohort of enlighteners succeeded in opening new social and spiritual horizons for humanity. Yet they were only a part of the intellectual army called to its historic colours.

It offered to one part of society a secular, strictly enlightening version of the Modern project, and to others a red-hot religious version of that same Modern.

Therefore, the project proclaimed by the bourgeoisie is much broader than a classic enlightenment, with classic European enlightenment referred to here as classic in most cases in comparison with American or more broadly Anglo-Saxon enlightenment.

However, that comparison does not cover even the most essential nuances without which the Modern project cannot exist. Thus, its religious modifications (so-called Christian modernism, or religious modernism on a broader scale) are in close correlation with secular modifications of the same grand project.

The Modern project is a grand edifice with room for a great deal of diversities.

The simplest way to bridge the gap between Marx's and Weber's theories is to add this characteristic to what is called Marxist analytics of capital.

The bourgeoisie is a class that established a new kind of artificial environment where humanity dwells. In other words, new types of productive forces.

The bourgeoisie is a class that established a new social environment and new types of regulations. Not only new productive relations as a phenomenon defined by productive forces, but a new type of legitimacy.

CHAPTER 10. CLASS SUPREMACY AND LEGITIMACY

Legitimacy is a set of reasons for why one class executes supreme control over other classes. Society will accept supremacy of a class only on the basis of the fact that the supreme class is seen as the only provider of public weal. This is the only ground for stable patterns and political systems to be established.

History teaches us that an illegitimate supremacy is ugly and never durable. A leading class that loses its legitimacy has to make it up with violent dominance, without using bayonets which, as Lenin stated, can't be sat on (in the sense that a power is not able to sustain itself only through the use of compulsion).

The bourgeois gained its historic legitimacy when it created the great Modern project. It is extremely important to note that the bourgeoisie, having presented the project as the bearer of a common weal and having claimed itself to be the subject to implement the project (i.e. being the source of this "weal"), actually set the boundaries of its own legitimacy. The bourgeoisie settled on definite projective, ideological, conceptual terrain and marked it as its own.

Adjacent territories became foreign.

It is exactly the Modern project that legitimizes the bourgeoisie as a subject to realize the project.

It is within the terrain of this project, the terrain of its legitimacy, that the bourgeoisie subdues its inherent brigand spirit and transforms itself from “a class for self” into a “class for others.”

This is the reason why no existential mutation of the bourgeoisie and its full alienation from ideals and goals occurs in this territory.

It is obvious that bourgeois stepping out of the terrain of Modern will result in disastrous and deadly consequences both for the bourgeoisie and humanity at large.

We should compare again the classic, genuine bourgeoisie with what formed in Russia. Have our criminal bourgeoisie and its creators, Trust C.N., established a new type of legitimacy? Have any steps been taken in that direction? Not a chance. On the contrary, its ideological entourage suppressed any attempts to form anything legitimate, because legitimacy requires a moral stance, values and ideals of some kind.

No class striving to gain legitimacy will worship the Golden Calf, let alone impose it on society at large. This is staggeringly counterproductive as well as immoral.

Meanwhile, the Trust C.N. set about destroying any makings of legitimacy. An unimaginably wild and parasitical class has proven to be morally and ideally uncurbed. No historical precedents of anything similar are to be found.

However, it is vital to state that anything related to actual Russian capitalism is hopeless and pathological, it is more important to discuss a different point. The fate of any contemporary capitalism. Note: any capitalism. Even one deprived of those bestial features that have been imposed on Russian capitalism and that lead it and its whole society into an incredible, unprecedented impasse.

CHAPTER 11. THE BOURGEOISIE AND THE MODERN AGE

Perhaps the contemporary bourgeoisie and the global capitalist system overstep the limits of their legitimacy?

Perhaps the bourgeois abandons its projective, axiological and essential terrain, within which it can exist as a “class for others”?

Perhaps the bourgeois class despises all its historical obligations?

Perhaps the bourgeois class sheds its curbs of moral, goals, norms, common ideals and values?

What if this is what they do now?

The definition of the modern age depends on the answer to this question.

We answer affirmatively. Capital, no matter how pathological or normal, loses its global and historical legitimacy. If Marx’s theory can be supplemented with Weber’s, at least, the loss becomes evident and adds tenfold (at least!) to the abhorrence of our internal situation. Thus, no opportunity to cure Russian capitalism is left, unless someone is there to carry out a methodological and political inversion and to indulge (instead of building socialism in an isolated country) in building in this particular country a unique capitalism, which will not lose its legitimacy here, having lost it everywhere else.

Yet the problem is so acute and frustrating that it makes such methodological and political research dubious.

The symptoms of abandoned legitimacy loom obvious and ominous in the modern bourgeois.

Given that the bourgeois made their first attempt to accomplish their goal in Germany in 1933, the scale of the problem is huge. We are talking about one of the most menacing challenges humanity has ever had to face.

Yet – and such a conclusion is based on the above – as we proved to be the weak link in the global chain once again, we have to do everything at once: to realize how possible such a new rise of Nazism is, reviving a situation of mortal combat with the dark forces of Nazism, to find a response to this reincarnation, given that it is real and imminent.

That is why we focus special attention on the seemingly abstract problem of the Modern project, which Weber and his followers took a great interest in.

We sense our troubled current Russian and global situation and we want to get an answer to the crucial issue of the contemporary era – whether capitalism has lost its project, and hence, any legitimacy.

Everyone everywhere needs the answer. It is of the utmost importance to our long-suffering land.

Why did Russia reject capitalism in 1917? Was it historically right and grounded?

What exactly did it refuse - Marx's capitalism or Weber's capitalism? The question is valid, as capitalism can be understood as a complete and closed system only if it is Marx's capitalism, Weber's capitalism, and Fromm's capitalism at the same time. Yet those capitalist aspects that Weber studied and that are defined by the notion Modern are of most importance for us now.

CHAPTER 12. THE MODERN PROJECT AND THE FATE OF RUSSIA

Russia's fate will soon be determined by what is called excess population, which will grow to 100 or even 120 million people, given Russia's expanding criminal capitalism.

Criminal capitalism will be happy with no more than 40 million people to create a super-stealing machine and claim it cynically as its country.

If no external pressure is exerted, Russian criminal capitalism will pursue in a smooth and easy-going manner its goal of being above the state.

The majority of our fellow citizens, including first and foremost those of no longer needed intellectual occupations, will have to choose whether to die here or flee abroad.

“Death” (with versions such as “marginalization”, “lumpenization,” and so on) and “flight” variants will be carried out simultaneously. Some will flee abroad, others

will have to die, losing themselves in drink, being sent mentally ill or becoming marginalized. Russia today sees both projects running the show, a phenomenon that many sociologists nonchalantly consider normal or even optimal.

It takes at least 5 million people a year for the “flight” option to reach the criminal ideal, and it requires just as many for the “death” variant.

10 million people falling out of society will transform Russia into a superstructure with both a criminalized core and periphery. The structure will become increasingly unstable. Whether it will stand for 6 or 8 years or collapse sooner cannot be predicted.

A decaying house may collapse for any reason. It may fall in on itself if you slam a door too hard, open a window, or even sneeze. Given that the logic of global processes urges external forces to act, imagine a decaying house hit with a battering ram.

We can merely discuss whether it will be shattered on the first blow or by the tenth, or how hard and focused those blows are.

Until the so-called excess population has been turned by the criminal and capitalistic mincing machine into mince, it still has time to wake up. Our moral, existential, historic duty is to encourage it, sparing no effort, binding ourselves fully to this cause.

It is wishful thinking to believe that our fellow citizens, or the “excess” population (we are just as excessive if this process continues), will wake up because of our simple slogans. Lenin’s simple slogans and decrees are what everyone tries to resort to, failing to understand that those slogans were advanced at the final stage of the process of taking power. They were preceded by other stages that involved activities other than slogans.

Bolsheviks appealed not only to bread, peace and the sharing out of the land of the nobles. If they had, they would have never defeated the socialist revolutionaries from whom they borrowed these slogans. Bolsheviks also appealed to the great Red anti-capitalist project that allowed historic Russia to see in a complex manner what was consonant with its sacral essence.

Banal whining that the Bolsheviks’ essence was anti-Russian quickly loses its appeal even for those who are doing the whining. Many have realized after 20 devastating years that even intellectual bolshevism proved itself somehow consonant with the deepest peoples’ inmost, ultimate, chiliastic aspirations.

A deep, popular bolshevism coexisted alongside the bolshevism of intellectuals. The secret of this bolshevism has not been discovered, and the Bolsheviks could not take power, let alone hold it, without this other bolshevism.

Thus, we should neither deny the importance of the simplest slogans nor plunge into their tempting simplicity. Either Russia in the twenty-first century will find itself another big project after all its turmoil, or it will cease to exist.

Our objective is to present Russia with this big Project, a successor of its past that will focus it in the future.

A big project, no matter how complex and obscured, comes first. Then come simple slogans.

Our objective is not only to provide this project but to create a consistent subject capable of realizing a new project, similar to how the bourgeoisie of the past centuries were able to realize the great Modern project.

The Bolshevik party in 1917 presented not only the big project but itself as the subject capable of realizing it. If this is true, the Bolshevik party could not be considered a party in the classic sense. It was something more.

A project involving the creation of academic books, even ones of the highest quality, does not appeal to us.

A project involves more — a powerful conceptual magnet that is able to draw anything that harbours the capability to be magnetized.

The current situation is what turns cold academic texts into conceptual magnets. We shall not say that the problem is impossible to solve. In the end, it was the current situation that turned Marx's texts into such magnets. The situation produced a whole range of individuals who studied day and night complex Marxist concepts, not deprived of a political passion, of course, but not identical with it. Those who read Marx, retrieved passion from Marx's texts, they found this passion, bound it to their will, strengthened and transformed it.

They could achieve it only because history urged them to. Some claimed to hear its steps while others heard their names called. They did more than talk — they proved it with task and toil.

Thus, we will not claim that a combination of Marx and Weber and God knows what will not have the same effect that a highly academic work titled the "Capital" had in the early twentieth century.

Instead we shall discuss how a synthesis of Marx and Weber excites modernity, transforming into a concentration of political and metaphysical passion.

CHAPTER 13. THE FATE OF THE MODERN AND THE FATE OF CAPITAL

When addressing the matter of the fate of capitalism in terms of whether it retains or loses its legitimacy, we have to step outside the bounds of classic Marxism, which does not consider the matter of legitimacy as fundamental. Strictly speaking, Marxist terminology does not use the concept of legitimacy at all.

To understand the fate of capitalism, the notion of legitimacy must be introduced to Marxism. This involves theoretical and practical political challenges that are to be overcome by combining Marx and Weber. We will lose Marxism otherwise (which will lead to an essential analytical and political disorientation), and we will not be able to analyze the key issue of the twenty-first century.

The capitalist class was formed politically and historically in the course of creating the Modern project. This class sought supremacy and legitimacy, and presented this project to society as a principle and its most valuable non-material asset.

When not bound by this project, the capitalist class is shorn of any historical mission and, as a result, its legitimacy. If we cut off the Modern project from the capitalist class, what is left of the latter? Palaces and yachts, binges and manipulations on the stock exchange. That will not suffice to legitimize its claims and privileges.

Even a normal capitalist class has an ugly and criminal character outside this project, let alone its mutated Russian version.

Thus, to analyze the Modern project means to find out what is the fate of capital in the twenty-first century. The fate of capital is completely predetermined by this project. And the fate of the capital is a key concrete political issue in the twenty-first century. Retaining legitimacy by capitalism deprives non-capitalist and anti-capitalist political movements of any strategic prospects. The question of whether such movements can use the possibilities opened up, however, is another matter.

Isn't the matter of prospects the key one for practical politics, at that?

No doubt, apart from legitimacy, there exists "supremacy in itself." When capitalism loses legitimacy, it still retains a supremacy and may exert it by means of force alone, which creates a brutish, half-bestial dominance.

But, firstly, such forms of supremacy have never been stable — the history of mankind is rich with such examples.

Secondly, they may be successful only if the end of history has taken place, which is to say the accelerated formation not of spectral "world governments", but of a clear and utterly anti-democratic "iron boot."

The contradictions between China and the USA, the USA and Europe, between those powers and India, preclude capitalism from establishing a worldwide iron boot in a historically short period of time.

Thus, the matter of the legitimacy of capitalism which is equal to the fate of the Modern is of substantial political importance, as it is at the same time the issue of the chances for a strategic victory by capitalism's opponents.

So, first of all, we have to deal with the fate of the Modern project, which is to say with a problem that is completely absent in Marxism, utterly conceptually, notional and linguistically absent.

Having done that, we have to focus on an analysis of class forces in the context of the delegitimization of capitalism (if it does exist) which is to say that we can step onto a familiar for Marxism analytical and theoretical platform.

So, what is the fate of the Modern project?

It is impossible to answer this question without looking, at least briefly, into its content.

CHAPTER 14. THE MODERN PROJECT

Speculating on the notion of the Modern, both Weber, who did not yet refer to it as a project, and his followers compared the Modern (or, alternatively, modernity) to the Pre-Modern, which they referred to as a traditional (or agricultural) society.

Modernization is a transition from a traditional (or agricultural) society to a modern (or industrial) society.

Marx would say that it is a transition from a feudal to a capitalist formation. But in some senses traditional society is a wider concept than feudalism, though the two are quite closely related.

Concept variation is not the issue here, however. The way that Weber and his followers interpret the word "society" (or "socium") is. They regarded society as a specific reality, one that is substantially autonomous in relation to super-reality (an artificial material environment within which a society is formed).

If Weber and his followers had only addressed agricultural society, they would have been very similar to Marx and other proponents of the formation theory. However, they identify traditional society and that has nothing to do with casuistry. A traditional society is a society with certain regulators, which Weber followers deem no less important than the dominant mode of production (certainly agricultural, in the case of a traditional society).

In this specific scientific field, the importance of which is determined by the current situation (or more exactly, by the looming disaster), types of society are connected primarily with the regulators that turn elements (for example, individuals) into a system (for example, a full-fledged society).

Tradition regulated social life at the Pre-Modern stage. For this reason, Pre-Modern society is called traditional.

Tradition as the soul of a traditional society (recalling Pushkin's "habit — the states' soul") gives rise to collectivism or communality. And vice-versa, the destruction of communality is the dismantling of traditional society.

Thus, tradition is the main regulator. Collectivism is a way of life. What is next? Certainly, the estates principle as a principle of differentiation of role functions. Family aristocracy as the ruling class. The monarch as a mouthpiece of its interests. Religion as the legitimization of the monarchy (the monarch as God's anointed).

And the people as a community, bonded by religion, the very religion that provides legitimacy to the monarch. It was important for the French monarch to be anointed in the cathedral in Reims. It gave him real legitimacy. And this is one of the cornerstones of the history of Joan of Arc.

The maturation of the bourgeois in the fold of the feudal (or traditional) society. The formation of the bourgeois as a class, mostly urban (as opposed to the feudal lords as large land owners). The formation of the bourgeois as the owners of the industrial sector (in contrast to the feudal lords who owned the agricultural sector).

These factors had a great influence on public life, though other factors were just as decisive as influences. Two new actors emerged on the social and metaphysical stage.

First there were religious dissenters, Protestants, who greatly problematized the legitimacy of the monarchy at the time. The French monarch, anointed by the Catholic church in Reims, was legitimately considered the King of the Catholics. However, he

was by no means seen as being legitimate for Protestants, who regarded the Catholic Church as the Church of Satan. A special type of absolutism was sought to overcome this contradiction, which meant that the legitimacy of religious anointing would be transformed into Louis' XIV formula: "The state is me."

But such a transformation does not provide a sustainable legitimacy. In addition, yet another new character appears on the scene: secular man. Secular man deems the Catholics, Calvin and Luther to be religious fanatics.

While not numerous, they were burned on the bonfires of the Inquisition. When their numbers grew substantially, the existing form of government failed because man had changed drastically.

A new material environment, rich with the spirit of science and technology and the new man with his seditious secularity, required new regulators and new rules for the social game to emerge. Otherwise, there would be no society at all. Indeed, even a relatively stable artificial material environment, let alone a social environment, still does not reproduce itself as a natural environment.

Capitalism declared: "I will build new rules, new regulators, and will save society from collapse and chaos."

It was a very important statement because people still remembered the horror of chaos, religious wars and more. Capitalism came and legitimized itself through great social changes.

Capitalism abolished the estates principle.

Capitalism atomized the traditional society, throwing huge massive rural populations into proletarian-industrial urban life.

Capitalism formed a new communality: the nation. Now not religion but rather language, nationality, culture and ethos regulated the affiliation of an individual to community.

Capitalism created a new industrial world.

Capitalism granted new rights to massive populations that were previously deprived of any rights.

Capitalism (perhaps most importantly) made the law a hyper-regulator of this fundamentally new society. From that point on, everything was regulated not by tradition, not by habit, which is "the states' soul", but by law, written and strictly executed with the support of respective legal institutions.

Capitalism established a new political system and called it democratic.

Capitalism rebuilt all the previous subsystems of traditional society. And so what exactly did capitalism do? Yes, it implemented the Modern project, legitimizing itself as a leading class.

In addition to the above aspects of the usual elements of the Modern project, it also includes both religious and secular metaphysics.

While the role of religious metaphysics in Modern is important, the substance of the project is certainly determined by the presence of secular

metaphysics, which is to say the presence of progress and humanism as supervaluees.

Not usual values, but supervaluees. The metaphysics of the project exists only until the progress and the humanism are charged with supervalue essence.

And such essence has to be universal and absolute, meaning that it has to be addressed to each nation, to all peoples, each representative of humankind and humanity in general.

As for religion, the Modern merely allows its existence, whilst strongly separating church and state, rationalizing religion in the extreme, which subjects it to a very significant transformation.

The balance between intellect and faith in religious modernism dramatically shifts in the direction of the intellect, with all the consequences that entails.

CHAPTER15. THE EXHAUSTION OF THE MODERN PROJECT OF ITS CAPABILITIES

Once the Modern project is analyzed, the prognosis becomes mere paperwork. It is not difficult to demonstrate the exhaustion of all the above mentioned aspects of the project. Yet what strikes one to begin with is the extent of the exhaustion of its metaphysical axiological potential.

The absolutization of the term “democracy” is becoming the main and most evident sign of such exhaustion. Today, the Western practice is to build upon the absolute priority of formal democracy over anything else.

Yet until quite recently, the Modern was clearly not synonymous with democracy. A positive meaning that Western politicians and political philosophers used to put into the concept of “authoritarian modernization” is obvious evidence of this. Now the USA and the West at large declare authoritarian modernization to be their main enemy, a kind of “axis of evil”. Is it possible to change policy in such a drastic way without breaking off with the metaphysics of the Modern, or in other words progress and humanism? Definitely not.

A formal democracy?

Consider some archaic country that is home to two cannibalistic tribes, one of which believes men and women are equally eatable, whilst the other believes that only women are. These two tribes form two parties, hold democratic elections, form a parliament, reach some cannibalistic consensus: “We agree in general: human flesh is proper nutrition. But we have some disputes regarding particular issues.” If all the procedures for disputes are complied with and cannibal authorities are properly divided into branches, then we have a formal democracy in place, don't we? But what does it have to do with the Modern?

This example might seem too bizarre, but actually it isn't, and soon if the same policy the West carries out in North Africa is implemented in Central Africa, it will be a literal example!

The support provided over all by the United States and the West to the Muslim Brotherhood, Taliban, and other movements that suddenly became "democratic" is in no way bizarre. We witness democracy turn from essence into form, a form that's not only indifferent to content but aggressively opposed to it, which dooms progress and humanism as predominant values of the Modern project, as well as the project itself.

There is more to this political renunciation by the West of this locomotive of the Modern, the supervalue of the project and the project as such. We are dealing with a more profound renunciation.

There are reasons why ecological issues were already on the agenda of the Club of Rome. The Modern is based upon the right – probably formal, but strict - of every country in the world to progress and humanism. Such a right existed even in the colonial period. It allowed Kipling, as a herald of British colonialism, to claim "the white man's burden", meaning that the "white" Western locomotive towed a train with a multitude of both "white" and "non-white" cars towards progress and humanism.

The philosophy and analytics of the Club of Rome are based on the validity and even necessity of detaching all train cars from said locomotive, which has been towing these cars in a certain direction.

The accelerated development of all humanity remains a utopian concept. Yet the accelerated development of huge Asiatic countries (such as India and China) is already an established fact. The locomotive cannot tow these cars and provide over two billion passengers of these cars with the same wealth that those in the locomotive have.

The planet's resources are not sufficient to do so.

The passengers will soon become the owners of the train. This metamorphosis is absolutely unacceptable for the locomotive team.

After considering the political and political economic rationale of the West's renunciation of the supervalue of the Modern (which means renunciation of the project in itself), it is necessary to consider one more underlying factor — the anthropological factor.

The Modern project is permeated with the will for development, but only for a certain kind of development, a development called progress.

This type of development implies that the anthropological material (i.e., homo sapiens) remains unchanged.

It implies that the Soviet project to create a "new man" (thus, new humanism) was both utopian and counterproductive at the same time.

It implies that there is no need to eradicate evil in a human being – instead this evil can be used for a good cause.

It implies that evil, if properly organized, will contribute to the good in the same way that animal competition for survival promotes evolution.

The Modern project managed to “properly organize” anthropological evil. It is its great achievement. Properly organized, evil became the generator of development, a development that has to do primarily with productive forces. In other words, with the artificial material environment.

Man became more and more conditioned by this environment, which meant a slowing down of progress (at best), and in fact is prone to stagnation and potentially the degradation of man. It resulted in a tremendous gap between the parameters of the artificial environment and those who inhabit it. The average person does not develop (and even degrades), and in the meantime the environment develops fast. Such a gap is referred to as the "scissors."

Every year the "scissors" open wider and wider. When they open to a certain degree, a disaster is imminent. Somehow (it does not matter how exactly), a stagnant element (Anthropos) will find something in the developing environment (Technos) that would allow it to destroy both Technos and Anthropos.

To prevent this, it's necessary that the development of Anthropos be accelerated or that the development of Technos be terminated. But the Modern does not accelerate Anthropos' development. It has no keys to this door. At the same time, the Modern is not able to stop (let alone wind up) Technos. In fact, the project gives up and admits it cannot avoid the approaching catastrophe for a great number of reasons, both general and particular, both material and nonmaterial.

Among the fundamental nonmaterial reasons is an exhaustion of the metaphysical principle of consolation declared by the Modern. Man is the only creature in the world that knows about his mortality and experiences this knowledge as a burden. Naturally, man covets consolation, or in other words some version of immortality. The most basic version of consolation known to humanity is religion.

Once religion stops acting as consolation (once man becomes unreligious), there is a need for other versions of consolation. The Modern has practically claimed its ability to ensure psychological and social wellbeing in a world where there is no consolation. The attempt of the French Revolution to offer alternative versions of consolation within the framework of the same project (Goddess of Reason, the Supreme Being of Robespierre) were suppressed.

The non-consolational spirit of the Modern was highly effective throughout the nineteenth century. But by the beginning of the twentieth century the modernist (progressive, humanistic) creative inspiration of non-consolation finally came to nothing. Non-consolational projects always come to nothing rapidly. When the non-consolational pathos of the Modern (“our deeds stay on Earth”) fizzled out, the project started to malfunction.

By the early 21st century it had become clear that it wasn't random failures that were being experienced, they were unrepairable breakdowns of the whole project.

In brief, such is the metaphysical exhaustion of the Modern project.

Having described it, we move to the social exhaustion of a project.

Socially, the Modern is based on the principle of disintegration of traditional society. Splitting traditional collectivist society into atomized individuals, the project acquires higher social dynamics.

Figuratively speaking, traditional society is thrown into the furnace of the locomotive known as the Modern project. While traditional society exists, there is a furnace that keeps burning. You can keep throwing additional portions of this society into it, but when there is nothing left of traditional society, the furnace grows cold and the locomotive stops moving.

The examples of Western and Asian countries that embarked on the path of implementing the Modern project show this clearly. In Asia — India, China, Vietnam — a large section society remains in Pre-Modern conditions, presenting an almost unlimited resource for this very furnace. The key word here is *almost* unlimited. Sooner or later there will be no resources for the furnace of the Modern in Asia and in the rest of the world. What are the options then?

Those who have no interest in this kind of problem should look closely at the present. The West has nothing left of traditional society. Nothing can be thrown into the furnace of the Modern, save for illegal immigrants. The situation is the same in Russia, which makes speculations about our modernization even more tragicomic. Discussion of the Modern, meanwhile, is strongly avoided in Russia.

Consequently, countries where traditional society is not fully used up but is already being thrown into the furnace have an advantage. Such a social advantage turns into a political-economic advantage.

At this point, the fact that the Modern has run its course not only in political, metaphysical, and social spheres but also in the political-economic arena, instantly becomes apparent.

After the USSR collapsed and the world returned, as it were, to homogeneous capitalism, the capitalist law of irregularity of development in its highest (imperialist) state returned.

Old capitalist countries develop at an ever slower pace. Young ones begin to overtake them. The old capitalist countries try to keep the leading positions by means of war. The classic type of such a war is World War I.

In this sense World War III is bound to resemble the Great War, but not the second great war, as World War II began in a world where capitalism was not equally developed, for which reason this war was the war of concepts and projects and not of economic interests.

Having freed itself from the wars (both, “hot” and “cold”) of concepts and projects, the world returned to the wars of economic interests. To keep its leadership the USA has to stop China. The United States is neither willing nor able to give up its leadership. There are two ways to stop China. A soft way is to arrange a counterbalance and undermine China's internal stability. There is a hard way, too. It is unlikely that the

soft one will work and so the hard one will be used. And very soon the world will be driven to nuclear war.

The institutional exhaustion of the Modern is evident enough. The project uses the institute of law as its hyper-regulator. What is happening to international law in the world? And what begins to happen with the law based upon the principle of national sovereignty?

The exhaustion of the Modern spreads to this very sovereignty. This includes the institution of the state. Everybody talks about the crisis of the national state, and the national state is one of the key inventions of the Modern project. Accordingly, the crisis of the law, nation and state leads to the complete exhaustion of the macro-social grounds for this project.

A discussion of micro-social exhaustion is just as pertinent. Man, family, communicative fields, culture in the Modern — they are all close to complete exhaustion.

Even if the Modern project survives in Asia, what is the good of it? Remaining in one macro region only, it will no longer be a universal pan-human project. As explained above, in Asia the Modern will become exhausted too, though somewhat later than in Europe. This is the reason why the key question now is what lies beyond the Modern. This question is even more pertinent now that the project, with one foot in the grave, is being pushed to its final collapse by its founder, the West. The Arab Spring is strikingly clear evidence of this.

Seeing the Modern reaching the point of exhaustion, the West feverishly tries to kill its own child, and thus deprives capitalism of any legitimacy. Could it be that the Western countries are doing this for the sake of gaining a new legitimacy? Perhaps the West (and capitalism at large) has in store some alternative options concerning legitimacy?

When discussing the fate of capitalism and the content of the modern age, we cannot sidestep such an important and pressing issue.

CHAPTER 16. THE MODERN PROJECT AND OTHERS

The model of the clash of civilizations assumed by American neoconservatives in 2001 as an alternative to the end of history failed when Barack Obama was elected. In fact, it failed even earlier than that, when the conservatives began discussing a new project, the Greater Middle East, with Arab and other "springs" tightly built into it.

The model of a strategic union between Islamism and the West seriously and for a long time replaced the model of the clash of civilizations. This model was already realized in specific alliances: the West and the Muslim Brotherhood, the West and the Taliban.

Islamism, which was declared as American neoconservatives' chief enemy, now becomes a good friend of the USA. Supposedly, this is because Islamism meets the will of Islamic nations.

Such cunning explanations do not and cannot satisfy anyone, of course. But for us, what is important here is not to examine this plot closely but rather to discover the strategic substance outlined by this plot.

To discover this substance, it's necessary to understand what distinguishes Islamism from Islam, the great world religion worthy of respect.

Islamism is quite a recent invention. In that sense, it radically differs from fundamentalism. The latter, at that, is to a large extent a modern replica of Islam, rather than its archaic version.

Antiquity, or rather the failure to clear the barrier of modernity, means the condition of the Pre-Modern. Is it possible to talk of the Islamic Pre-Modern, albeit with some reservations? Of course it is possible. For various reasons that are both objective and authoritarian, part of the Islamic world shuns Modern and keeps retains Pre-Modern purity. But it is a small and vaguely defined part.

Conscious rejection by the Muslim countries' elites of the Modern project, which had already started to put down roots in their domains, is a much more distinct phenomenon. Such a renunciation has the nature of a much talked-about conservative revolution. Its supporters aren't afraid to use modernist or even postmodernist political technologies. The combination of such technologies with a renunciation of the Modern, and with a desire to bring reality back to a Pre-Modern stage (certainly extraneous in this case) is the Counter-Modern. The Counter-Modern is as well-developed a project as the Modern. We have every reason to say that the Counter-Modern with deep inner satisfaction is watching the process of the exhaustion of the Modern and facilitates it.

Such is the meaning of a strategic rather than an opportunistic alliance between Islamism and the West, because the West is elaborating for itself a new Post-Modern project. In other words, the West is adapting itself to a very specific life on the debris of the collapsed Modern.

This "life after life" is based on a profound contempt for the predominant values of the Modern, namely, progress and humanism. Humanism, the glorification of the greatness of Man, is particularly alien to postmodernism.

The Post-Modern, to begin with, hates any greatness at all. Secondly, it hates the human being. For the Post-Modern "Human" is the project "coming to its end."

The Post-Modern hopes to replace "human", a creation too firm for it, with something utterly amorphous and unstable, something that could be with every justification titled post-human and post-humanity.

The Post-Modern despises and hates history.

The Post-Modern hates development. The ideal of postmodernism (though postmodernism totally rejects idealness) can be regarded as controlled degradation, controlled decay.

The culture of the Post-Modern (and culture creates the human type, after all) is impregnated with the spirit of death. The Post-Modern doesn't conceal it. It openly swears allegiance to Thanatos and to the spirit of perversions of all kinds.

A detailed description of the Post-Modern as a project is clearly out of place here (besides, alongside man, the Post-Modern denies any authenticity, any projects, any metaphysics).

But an analysis of capital cannot be comprehensive without revealing the two alternatives to the Modern project: the Counter-Modern project, and the Post-Modern project, and the links between them.

It is appropriate to indicate here two types of connections.

Firstly, there is a connection between two very different players which is established to allow the playing of a common game. The alliance of the USA and Islamism, which is forming now, is extremely illustrative here.

The connection is also established to develop a new architecture of the world, while staying transitional yet also acting as an architecture.

What is this new architecture?

In the 1950s and 1960s, China's leader Mao Zedong put forward a model that was far from being senseless. The model had a "global city" as a core and a "global village" as its periphery.

Thus, in the transitional architecture that is being cobbled together now, the Post-Modern seeks to play the role of the architectural core, which is to say a kind of global city. The Counter-Modern is staking a claim to becoming the global village. The division of roles and spheres of interest is not final, yet the very principle of this division can overcome a number of challenges which cannot be positively resolved within the Modern project.

For example, they can reject global development and, in some sense, development itself. The development is antagonistic to the Counter-Modern. "That's great!" exclaims its postmodernist partner. In this case there is no need to develop all of the periphery, to share the valuable resources with it, to worry about what will happen if the periphery becomes more effective than the core or even has to become more effective.

Indeed, the Post-Modern makes no claims to development as the predominant value. If something will be left in the global city that continues to develop, that "something" will be completely subjected to the task of keeping the counter-modernist periphery under control.

Thus, the Modern project is nearing its exhaustion. What's more, it is no longer needed by the ruling class. And there is a desire to finish it off as soon as possible. There is an alternative to it – an alliance between the Post-Modern and Counter-Modern.

Should we consider the game to be over, with no practical opportunities to interfere?

No. Firstly, although the might of the Modern is close to exhaustion, it is still strong enough. Secondly, the existence of Russia impedes this ominous reformatting of the world.

PART 2. RUSSIA AND THE MODERN AGE

CHAPTER 1. EXCESSIVE POPULATION

What is the real aim of the Trust C.N. that destroyed the USSR twenty years ago and that formed a new reality?

Does this Trust realize the full extent of just how pathological capitalism really is?

Is it ready to overcome this pathology, curbing at least the most terrible processes, such as the prolonged orgy of primitive accumulation, which is to say stealing from their own people, a process within which people are no longer able to bear the burden of Russian statehood on their shoulders?>

Or rather, will the Trust deliberately increase these pathological tendencies, pursuing evil objectives of liquidation?

Can it be that the pathological tendencies are growing because of momentum in view of the fact that the Trust has lost its control, it has entirely used, after these twenty years, its ambitions to establish normal capitalism in Russia and to integrate the country completely into European (or global) civilization?

Not wishing to exaggerate this very grim situation, we shall assume that the Trust (or its least destructive part) still cherishes the illusion of turning Russia into a so-called “normal” capitalist country which can, among other things, enter both NATO and the EU.

We do not assert that this is exactly the case. We consider it as the most fortunate possible outcome. And even in this case, an impasse is evident. The impasse is both strategic and tactical. The tactical impasse is created by unsolvable or nearly unsolvable problems, which can be recognized by applying a classical Marxist analysis.

Challenge №1. Exiting the rampant primary capital accumulation.

Denying any propaganda and relying on analytical data only, we have to face an absence of any, even the smallest, manifestation of Trust C.N.’s intention to solve this problem.

The transformation of our capitalism into something normal (which is to say compatible with the life of the country) would save Russia. Russia matters for us more than our ideas and projects.

Challenge №2. This challenge belongs to the classic Marxist sphere to the same extent as challenge №1 and is called labor division.

The global market is fantastically overregulated. Russia is not a superpower, not the USSR, it does not dictate the rules – instead it obeys them. The established rules (and they will get stricter) dictate that Russia plays a raw-exports role. How could it be otherwise?

Russia is not able to supply the global market with huge amounts of cheap and disciplined labour. China, India and other Asian countries can achieve that.

Russia cannot become one of the key agricultural countries of the world. It can and has to provide itself with food. It can and has to sell as much grain and other agricultural products as possible. But it cannot be a strategic competitor for the countries of the First World that focus on agricultural production and that have developed high-tech production with large-scale subsidizing.

It cannot become a strategic competitor for the key agricultural countries of the Third World either, which are home to huge armies of very cheap and very hard-working labour sources and where not just one but three crops can be harvested a year.

Trust C.N. destroyed the Russian industrial system, over the last twenty years it has done away not only with scientists and engineers that are essential for the industry but also the working class, formed in the USSR with a great effort and now lacking any elementary self-reproduction.

Are those post-industrial scenarios?

Consider that scientists and engineers' salaries are less than that of a barely qualified worker, given that the whole intellectual sphere of Russia is underfinanced, with this sphere the subject of greater havoc than that industry in general, and that 30 million hectares of cultivated area have been lost (more than in the World War II) due to Trust C.N.'s project.

Thus, what remains is a raw-exports role, shameful and futureless even with high prices for raw materials. And what if prices begin to drop, as they are more than likely to do?

Even with prices on raw materials high, what does this raw-exporting peripheral scenario mean for Russia?

We have to face the obvious: the production of raw materials for export requires no more than 10 million people. An additional 20-30 million people will have an "honorable" role in various services, either administrative and financial or other. What about the others?

After all Russia, is home not to 40 but to 140 million people.

Highly qualified economists publish one research paper after another, saying unanimously that this raw-exporting, peripheral scenario that we are examining now renders the remaining 100 million people obsolete.

These people might be fed with oil prices high or might not. In the latter case, they will be disposed of either in a soft manner or otherwise. They will be alcoholized, pumped with narcotics, thrown into a half-bestial state, cranked through meat grinders of so-called local conflicts, and so on.

The intelligentsia as well as the common people will become excessive in this case. Intellectuals will become needless in such quantities even for peripheral capitalism. No other role is reserved for them in this scenario.

But both problem №1 and problem №2 and other similar problems that are perfectly revealed by a classic Marxist analysis are not the most significant issues as long as Trust C.N. is indeed willing and able to transform our pathological pseudo-capitalism into a somewhat reasonable state.

In this case, legitimization is the primary and strategic problem.

Even if the Trust is not intentionally destroying Russia, devouring and dismembering it, but rather is doing something less sinister.

Even if this Trust is striving for some sort of “normalization” of Russian capitalism. How and by what means does the Trust intend to legitimate its infinitely ugly child? The Trust is unlikely to assume some ingenious methods of such legitimation, as it plans not only to build capitalism, but also to integrate Russia into the so-called international community, even as a periphery of that international community.

Therefore, both the periphery of the international community and its core always use one and only one method to legitimize capital — the Modern project. This means that Trust C.N. has to implant this project in Russia, doesn't it?

The very bashful and awkward moves of our elite, which has suddenly taken to talking about some modernization, have nothing to do with a realization of a somewhat adequate Modern project in Russia.

Firstly, the Modern project has never been carried out using the methods proclaimed by the ideologists of our modernization.

Secondly, the project itself is close to exhaustion.

Thirdly, in Russia, unlike in powerful Asian countries, there is no traditional society that can be thrown into the furnace of the Modern.

Fourthly... here we are moving on to the most crucial point.

CHAPTER 2. THE MODERN PROJECT AND HISTORICAL RUSSIA

The political process will not become the process we need without us telling ourselves and others the truth, and we must include those who are our most irreconcilable adversaries. We must tell the de-Stalinisators, de-sovietisators, anti-imperialists and Russophobes, say it to their grinning faces:

“Yes, you are right! Historical Russia is not compatible with the Modern.

“To overcome this fundamental incompatibility we must abandon all Russianness, imperialness, Sovietness. It also must be abandoned in one go, since Russianness, imperialness, Sovietness are links in the same chain.”

Having acknowledged this truth — and this is what most honest Russian patriots are afraid of doing — a next step is to be taken. We must answer a question: why is Russia not modernizable and why has it struggled against modernization for centuries?

Even Asia, which is more distant from the Western centre of modernization than Russia, eventually agreed to modernization. Russia's culture, of course, is Western, and also Christian.

So why is Russia not modernizable? Unlike not only Europe and the USA, but also China and India?

The reason is that both Europe and the USA have an organic and detailed paradigm of development — the Modern project.

Europe and the USA staked on this card in the global game based on the philosophy of history. They gained much, but paid a very high price.

Europe and the USA won because over the last five centuries (since circa 1500 AD and up to the end of the twentieth century) the Modern has been the paradigm within which development advanced in a most vigorous and systemic way. Europe and the USA were developing faster than other regions and were able to legitimize capitalism better too, for only the Modern project, as was already stated, allows it.

Asia, unlike Europe and the USA, does not have a fundamental know-how when it comes to development. Asia does not claim its paradigm to be the one and only. It claims uniqueness in other areas. And those claims are profound and compelling, indeed. When it comes to the development paradigm, Asia lacks any claims to it. Which is the reason why it borrows the Modern as a foreign paradigm relatively easily, adjusting it to its cultural identity, its world outlook.

Adjusting yet never fully embracing it.

Adjusting and reaching great successes, tactical initially, like the living standards increase, the growth of economic (hence, any other) might. Still, this is only the first step.

As it succeeds, Asia strives to take the eternal Western competitor out of the game. When it has been done, Asia will continue developing until there is nothing to throw into the furnace of the Modern. And after that it will halt. The development will stop. Devoid of development, humanity will not, in a sense, be humanity any more. This scenario would have been the only one if it weren't for Russia.

After all, even if the West dares to challenge Asia and destroys it to the extent that it is not able to combine its Oriental resources with the Western paradigm of modernization, it will not make any difference.

Anything of this kind can be accomplished only by means of a massive nuclear war. Let us assume that this happens. What's next?

The West cannot extend the Modern for a great number of reasons. Unlike China and India, it cannot throw its traditional society into the furnace of the Modern. The West has already used its society for this purpose long ago, and now there is nothing to throw into the furnace.

So, Asia adopted the Western paradigm of the Modern...

Asia achieves huge successes as a result of this adoption...

A collapse of the West as Asia's adversary...

Inertial advancement of Asia within the framework of the borrowed Western Modern project...

Next - the halt of development.

We repeat that this would have been the only scenario if there were no Russia. This will become the only scenario if Russia ceases to exist.

How can Russia prevent that fatal scenario, and what's more in its current condition? Or scenarios, if we consider the ruthless destruction of Asia by the West as a second scenario?

The reason is that Russia, unlike Asia, has its own development paradigm, which is completely different from that titled the Modern.

That Russia has a special path is not the case. Russian Pochvenniks like to talk about that special path, without specifying, however, what makes it "special."

The fact is that Russia possessed and still exclusively holds — even in its current, extremely dire condition — such a non-material asset as a development paradigm alternative to Modern.

Russia was reluctant to integrate into the Modern for centuries and it developed nevertheless. What results is not Russia's otherness at large, but rather an ability to formulate and, most importantly, to realize the non-modernist method of development. Not to reject development like pre-modernistic Asia did. Not to copy development, like Asia when it broke off from the Pre-Modern. But to develop in a fundamentally different way.

While the West was able to demonstrate the fantastic successes of the Modern, urging Asia to copy this project, Russia's development was like a five-wheeled bicycle. You could ask us: "Well, you've invented such a monster, but what for?"

Now and then our "five-wheeled bicycle" turned out to be a very effective means of travel. It was undoubtedly so during the Soviet period. We achieved pretty impressive results in the pre-Soviet period too, staying within the Russian development paradigm.

Russia coalesced with its development paradigm no less than the West did with its Modern. Russia can be torn from its paradigm only by changing its cultural core, by dismantling its cultural matrix, which is to say by completely driving out the Russian spirit and fundamental Russianness from Russia.

Had the Modern been the only victor from the point of view of philosophy of history, while our development paradigm would have completely lost its effectiveness, Russia would have faced a tragic dilemma: to abandon development, condemning itself to destruction, or to abandon everything that seemed to be valuable and important.

But there is no trace of any historiosophic triumph of the Modern. This project is in its death throes. It may be worth saving it partly to prolong these death pangs and to gain time for the setting of humanity on different rails of history. The alternative is the complete rejection of history and the terrible consequences that go with it.

If the Modern project is in its death agonies, then Russia's know-how in development is priceless for everybody who cares for humanity and who does not want it to ignominiously cease to be, settling for non-development, whether this be non-development Asian or Western style.

Yes, Russia was lured into the rejection of its own development know-how, it was made to think that its "five-wheeled bicycle" was useless.

Caught in the trap of temptation, Russia has condemned itself to self-destruction. But the refusal is not final or unalterable. It hasn't destroyed itself completely yet.

It just needs to get moving forward again, using the means of transportation it invented itself.

It has to learn to use it again.

It has to learn to love it; to understand its importance from the viewpoint of the historical fate of humanity.

It has to learn again how to love and respect itself as a creator of these means.

Rejecting rejection, Russia will save itself and the world. It will save humanity as an essence inseparable from development.

But if it persists in the abnegation that was declared twenty years ago, Russia will destroy itself. It will be not only a country where 100 millions of people are an excess. It will find itself a fundamentally excessive country. A country that has no place in a new world project configuration. Such a configuration will inevitably emerge, if Russia does not reject the rejection.

CHAPTER 3. THE NEW CONFIGURATION AND RUSSIA

Asia is unwilling to reject the Modern project, understanding that by using this alien but very convenient means of transportation, it will achieve a historic triumph on a global scale. It can get rid of the foreign means of transportation after that.

The West at large, and the USA in particular, can accept nothing of the kind. The West knows that it can prevent Asia's triumph in two ways.

The simple way is by literally destroying Asia. If the West decides to, it will have to do more than just destroy the production of the largest emerging countries in Asia; it must also exterminate the bulk of the population.

Not that the West is not ready for that. The West is ready to fight Asia's triumph by any means, but still this simple solution is prone to most serious consequences.

The West knows that it is extremely difficult to exterminate Asia without destroying itself. This is why it resorts to a more sophisticated way of preventing the Asian triumph, reserving the "simple" solution as a last resort.

What does the sophisticated method involve?

It envisages a change in the world project configuration.

The Modern project ceases to be the mainstream for humanity. The Counter-Modern is being introduced to the game. For a start its so-called Islamist version is being launched (again, we insistently ask that this should not be confused with Islam). Simultaneously, the Post-Modern project is being introduced to the game.

The essence of the Counter-Modern is a conscious rejection of any development, even the technical one. A new Middle Ages is declared to be the ideal. Does it mean a return to the Pre-Modern? In no way.

The Pre-Modern possessed everything that has to be abolished now, everything that paved the way for the Modern. First and foremost, the will (although non-bourgeois it is still very intense) for progress and humanism. That will was raised by the pre-modernist West in the midst of certain religious concepts, evolving in a certain way. The very logic of that evolution resulted in the secular metaphysics of the Modern, namely, the metaphysics of progress and humanism.

The Counter-Modern rejects all this. It withdraws from the Middle Ages the potential of development and love of fellow men. There is only one way to do it – by prompting certain communities towards regression.

The Soviet Perestroika and the Russian Perestroika-2, which has begun now, are exactly such incentives towards regression. Did Trust C.N. want to build capitalism in Russia or did it have more far-reaching and grimmer plans? In any event, the results of its activities generated regression, and could do nothing other than this.

The change of the world project configuration implies introduction of such forced regression on a much broader scale. President Barack Obama called the Arab Spring (the inducement of the Islamic world towards regression and archaization) the second fall of the Berlin wall, and not without good reason. The first fall represented regression in North Eurasia. The second fall of the Berlin wall manifests regression in a large region close to Russia that is full of dangerous processes.

Then, more “falling of walls” will follow, opening the regions a path to regression.

The regression need not necessarily be of an Islamist character, yet it is Islamism that has a great influence on large masses and that is quite intensely regressive. This is why the role of the locomotive of regression, the locomotive of archaization, is attributed to it. A role that is fraught with all corresponding consequences for Russia.

The advancement of regression and the archaization processes on our territory, combined with a strategic alliance between the USA and Islamism on the platform of the new countermodernist Middle Ages... Isn't it clear that the existence of such a combination alone leaves no chance for Russia? Russia is no competitor to Islamism in anything that concerns countermodernist actions. It loses itself as a provider of a salvation paradigm of development. It already proved itself unviable in the Modern, and it will even more quickly prove unviable and useless in the Counter-Modern.

Nonviability and uselessness...

Whether an Islamic caliphate or a mosaic of archaized states will form where Russia used to be, whether the Islamic caliphate will fight China or China will engulf the pieces it needs — it does not matter if Russia ceases to exist.

The Post-Modern has no room for Russia either. It is a foreign and alien project and is authorized to be joined by alien forces. This project is competing with the Counter-Modern in terms of filthiness, a filthiness that is completely inconsistent with Russia's historic identity.

Finally, this project is completely incompatible with Russia's territorial integrity.

The Modern in Russia? But this project, as we have established, is close to exhaustion. Besides, Russia is not able to use the resource called “traditional society” for modernization purposes. Unlike Asia, Russia is deprived of it.

Finally, Russia is more resistant to the classic Modern as something alien and dangerous. Every cell of its historical and cultural identity resists it.

Russia realizes, if not in the mind then in the heart, how crucial it is for the world to have a paradigm of development that is different from the one that the Modern offers. This project can be forced on Russia by an unprecedented religious, cultural and political violence. Before it gives birth to the Russian Modern, though, the violence will destroy Russia, and with it Russia’s all-important paradigm of development, extremely important right now, in the twilight of the Modern.

Thus, the Modern project destroys Russia.

Yet the new world project configuration, which is offered by capitalism and can no longer present the Modern as the source of legitimacy, is destructive to Russia as well.

Where is the way out then?

The only possible salvation is that Russia recognizes itself as the only provider of a paradigm of development, one that is completely different from the paradigm offered by the Modern. A paradigm of global and historic importance which is enhanced with the exhaustion of the Modern. What paradigm is it?

CHAPTER 4. ALTERNATIVE WEST

What hinders us from clearly comprehending the nature and essence of this tragic paradigmatic gift of history with which Russia is endowed, the gift it rejected twenty years ago, the gift that is crucial for humanity today?

What impairs us from comprehending this gift is a lingering, political and historiosophic conflict between the Occidentalists and the Pochvenniks, lasting across centuries. The conflict that formed stereotypes of perception of our historic fate.

Those stereotypes have always stood in the way of complete historiosophic self-understanding and self-determination. Now they are more dangerous and hazardous than ever.

Occidentalists are adamant that there is only one West, a part of which Russia keeps failing to become.

Pochvenniks believe the West is an utter evil that Russia shall be shunned from.

Meanwhile, no positive answer has been supplied as to what Russia is, if it is not the West.

Pochvenniks argued that Russia is not the West. What is it then? Pochvenniks have never given an answer. The reason why is clear. Being immensely intelligent and sensitive, Pochvenniks could not fail to understand that Russia is not Oriental, not Asian. Russia and China and India are too immensely different.

In the end, it's the case that Russia and the West were all Christian self-identities. Inexpiable war of the two branches of Christianity, Catholic and Orthodox, could not prevent them from appreciating the fact that it is only a war of two branches of Christianity.

Thus, Pochvenniks do not see Russia as the West, but they do not see it as being the East either. What, then?

Historiosophy cannot be content with eclecticism offered by a respected discipline such as geopolitics. All is clear to the representative of this discipline: since Russia is neither West (meaning not Europe), nor East (meaning not Asia), then it is a hybrid that is Eurasia. Geopolitically, Russia is definitely so. Yet even in the light of politics, such a discourse is inferior, as there are Andrey Sakharov's "liberal Eurasia" and several "conservative Eurasias." Is there any place for historiosophy in this discourse?

Eurasianists excruciatingly experienced historiosophic deficiency.

Perhaps we should call Russia a bridge between the West and the East. Though such definitions contained a certain substance in the eighteenth and nineteenth centuries, they fully lost it by the end of the twentieth century, let alone the second decade of the twenty-first century. It became clear that the East (China, for instance) does not need any particular bridge to build relations with the West. What is Russia's place then?

On the matter, Vladimir Soloviev wrote :

"Which East do you want to be:

The East of Xerxes or of Christ?"

As we can see, the need to define the historiosophic essence of the Motherland causes a split in concepts that enable one to give such a definition. The concept of the East splits into two completely different types of East. Yet, no matter what the life of notions may be called, dialectics or otherwise, it is governed by its own laws. According to these laws that split the East into two, the similar break up shall give rise to two Wests.

The two Wests result not only from such dialectics of concepts, which are abstract and speculative. History itself speaks of two Wests that have existed since ancient time.

They were praised by Homer in the "Illiad", and the war between Troy and the Achaeans is the war between one West and the other, a war of destruction and the metaphysical in a sense. Otherwise, Homer would not have glorified it. And even if he had, it would not have had such an impact throughout the millennia.

A Roman poet, Vergil, who left just as deep historic, philosophic and artistic marks, traces Aeneas's family from Rome to Crete. In this light, the war between the Achaeans and Troy is the war between Minoan and Mycenaean civilizations.

What we are speaking of here is not historic facts, interpreted differently in different ages – instead we are dealing with lasting identifications, cultural threads in the labyrinth of historiosophy.

The thread woven by Virgil in Aeneas runs through ages just as Homer's does. These poems formed identities, they were learned by heart in lyceums and gymnasia. This is why the social and cultural models they developed were much more essential than archeological excavations and historical manuscripts.

Ancient Rome took a lot from Greece, yet it saw Greece as its antagonistic alternative. When devastating Greek cities, Roman warriors wrote "Avenging Troy."

Caesar's Empire and the Empire of Alexander the Great are two different Wests.

Leaving Rome, Constantine the Great sought to build a new eastern capital in Troy and chose Constantinople.

The Byzantines never referred to each other as such, they called themselves Romaioi and knew exactly that they were an alternative to Rome, not its replica.

Byzantine conveyed this centuries long alternativeness to Moscow.

A third Rome is not the case here. The case is that embracing the gift of alternativeness, Russia formed an alternative to the West, choosing Greece, not Rome, as its destiny.

We shall look more closely at the outlines of the alternative paradigm of development, the only one that confronts the paradigm of the Modern, remaining precisely the paradigm of development.

Breaking the traditional society to pieces, the Modern project throws it into the furnace and moves on, creating a society of individuals. This society is atomized and for this sole reason can be regulated by institutions that the Modern develops. By the institution of law, which is a social super-regulator for the Modern, for political institutions, and the like.

After Peter the Great, Russia could no longer use Pre-Modern regulators, which are efficient only if society is traditional. Peter cut the ties with tradition too drastically. Yet Russia does not recognize the law as its super-regulator, which means that it does not step into the territory of the Modern. In the meantime, Russia develops rapidly.

If not law, what is the super-regulator that allows Russia to create a rapidly developing non-modernistic society?

An analysis shows that the regulator is culture, which plays a different role in Russia than in the West. In the West, no one will say that a theatre is a rostrum. No one sees prophets and moral (religious in a sense) mentors even in the most prominent writers.

Russia, meanwhile, has always seen Pushkin, Tolstoy and Dostoevsky in that way.

Thus, Russia retains collectivism, which ensures development, while the Modern project relies on the destruction of collectivism.

In the Soviet era, Russia developed a unique industrial and even post-industrial collectivism.

This one aspect is enough to show that the paradigm of the Modern and Russia's vision of development are fundamentally different.

Yet there is more to it. Russia does not accept the concept of secular inconsolability that the Modern is based on. Russia always seeks the secular or quasi-secular consolation (which is to say a nonreligious path to immortality). Fyodorov's "Common Cause", the philosophy of cosmism, and the Bolsheviks' bogostroitelstvo (God building) demonstrate that. What is important here are not historically transient particularities but rather Russia's willingness to find a secular inconsolability.

Which is, again, an alternative development paradigm.

This document does not allow for a full description of the alternative. The suggested evidence is enough to admit that it exists. In this paper, this admission is enough, as we have to proceed to analyze the political consequences of this fundamental fact.

Russia embraced Bolshevism as a Western Marxist teaching and as something consonant with its identity that is profoundly popular. Though embracing the Western Marxist teaching, Russia accepted neither capitalism nor the Modern as the means to legitimize capitalism, but rather as something that is an alternative. Russia's commitment to the fundamental principal of an alternative West is obvious here.

This might be the reason why the West despises Russia much more violently than the East. You can hate something so fervently only if it is both close and different, if it is a historiosophic competitor. Because valid historiosophic competition is possible only if competitors possess alternative paradigms of development.

Now we shall comprehend the obtained political result.

If the Modern was the means to legitimize capitalism, and if Russia for centuries (before the Bolsheviks and under them) was the provider of a concept of development that is alternative to the Modern, how could Russia legitimize its capitalism? It would have to cross over to the territory of the Modern to do so, would it not?

Russia, being loyal to its mission and gift of destiny, could not but refuse capitalism. Marx was an Occidentalist and anti-capitalist devoted to development and to rejecting the Modern project. This was precisely the reason why Russia embraced Marxism. Russia embraced it emphatically and subjected it to a profound rethinking. Of that which history offered it, Russia could accept only Marxism. Russia did so, adjusting it to its own vision. There is a duality that is organic for Russia, two Bolshevisms: the occidentalistic, Marxist, and the popular. If not for the duality, the Bolsheviks could not have won the Civil War, let alone built a powerful country.

That is what we lost in 1991—we lost not just a potential form of statehood but also our historic fate.

That is what we lost and have to find again. How can we not find it if our capitalism proved to be a "walking pathology"? If we cannot embrace the Modern without abandoning our historic destiny and our own identity? If the capitalist West,

which nourished the legitimacy of the Modern for itself is now ready to take this project to the scrapheap? If we lack any basic Asian conditions to prolong the death agonies of the Modern? If we do not want to prolong the death agonies but rather intend to find a new living?

Capitalism has lost any legitimacy. It will either rapidly turn into fascism or obediently disappear from the historic scene. Capitalism is unlikely to just disappear, however, as it is forming new world project combinations outside its legitimacy and beyond the boundaries of capitalism proper. But these Nazi like “multistoried humanity” combinations are just as incompatible with Russia’s survival as the transfer to the territory of the agonizing Modern.

So, how can we save Russia and the idea of development along with it, and therefore everything in the world? Humanism ... and Man as such...

CONCLUSION: ABNEGATION FROM ABNEGATION

Having accepted capitalism (and, hence the Modern project) Russia denied itself. Now it is time to deny the abnegation, meaning that we must reject the Modern project and capitalism. Accordingly, Russia has to find new life on the other side of capitalism.

It is not a judgment call, voluntarism, wishful thinking, or utopian daydreaming. It is the only chance for Russia and mankind. Unless mankind is desperate to plunge into countermodernist or postmodernist games.

The first project is the Modern project, which is on its deathbed.

The second and third projects are Post-Modern and Counter-Modern. Their evil essences are enhanced with the creation of post- and counter-modernist world project configurations.

If these are not options for Russia, then the nation needs a Fourth project.

This project is based on an alternative paradigm of development, which Russia has been keen on following for centuries and which, when the Modern is agonizing, is the only savior of the idea of development, and thus of a human being and humanity.

Direct remakes are historically underproductive. Yet it is not difficult to see that communism, ridiculed and slandered, was not foolishly brought by strangers onto long-suffering Russian soil. It is deeply in tune with the fate of Russia, it corresponds to the ultimate principle of that fate, which is precisely an alternative pattern of development.

Russia abnegated communism at a very bad time.

Russia swore allegiance to capitalism at a very bad time.

Even the most terrible mistakes sometimes have a historical meaning, which is not completely detectable. There were reasons for this to happen. Did that happen to make Russia – having drained the bitter cup and finding itself on the verge of an abyss – realize the profound meaning of what it had denied, and find the strength to profoundly reconsider its past rather than just return to it.

What we and the world need today is not a remake of the Red project. We need a Fourth project which will incorporate the finest features of the ruined Soviet past. A

project that will take into account some great and mysterious tradition, revealed by the tragedy that occurred in Russia. Could it be that the tragedy occurred to make the tradition fully clear?

Absorbing all the best from the communism that Russia experienced, the Fourth project will revive everything that historical communism rejected, failed to achieve and comprehend.

Historic communism rejected metaphysics, the ultimate principle of secular consolation. We will rehabilitate this principle.

Historic communism renounced the need to fight for a new man and a new humanism. We will bring it back in the new project and in a new life.

Historic communism blundered ontologically and psychologically at the same time. It failed to oppose, firmly and victoriously, the fullness of life principle (what Fromm referred to as “to be”) with the principle of alienated life (“to possess,” in Fromm’s terminology). We will rectify this mistake.

Historic communism failed completely to build a bridge between a particular principal of exploitation and the common principle of alienation. We will build that bridge.

Having solved the task of industrial development, historic communism stopped at the barrier beyond which science turns into a fully-fledged productive force with all the ensuing political and economic consequences. We will clear this barrier.

We admit that since science has become a fully-fledged productive force, in the 21st century the place of the intelligentsia as a social layer is taken by the cognitariat, as a class possessing all rights that result from science’s new status.

We acknowledge that this class has been crushed over the last twenty years, that it became the most persecuted and exploited class in Russia. We will piece together the remnants of this class, structure it and use it for support.

The Fourth project is more than a historical necessity. It is not merely the only path for the salvation of humanity . It is also the means to legitimize power.

The Modern project legitimized the supremacy of capital. The Fourth project will legitimize the supremacy of the Russian cognitariat, shattered and abased, yet still not demolished.

We realize how terribly difficult the task before us is.

We comprehend how hard the way to the solution is.

Yet we are aware as well that there are no other options to save Russia, that if Russia dies then all of humanity is doomed.

Amid utter despair brought by the enormous defeat of our country, we find a tiny glimpse of light. We can see that we can get out of the impasse, and get out of it we must.

We are fumbling to find the way out. Yet where we saw utter despair, now there is a light coming from a narrow crack. This light shines from our post-capitalist future,

and when we have achieved this future, we will repent for the past twenty years of abasement. We will restore what we lost and will obtain more.

We do not see the light completely yet, but we are no longer blind. We must help those around us to also see the light. We will gather together all those who aspire to this. We will overcome the spirit of defeat in ourselves and in others.

We have a chance to triumph and we must use it to the fullest. This is our duty before the living and the dead.

Khvalynsk

August 14, 2011